



18+

Артём Захаров

Курортный роман. Приключившаяся фантазмагория

Артём Михайлович Захаров
Курортный роман.
Приключившаяся
фантаσμαгория

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42358901
SelfPub; 2019*

Аннотация

Наши дни. Челябинск. Герой, оказавшись в чужом городе, не может вспомнить несколько месяцев из своей жизни. Отправившись через всю страну к своей возлюбленной, с которой он познакомился на южном курорте, герой оказывается в полном одиночестве и в крайне тяжелом психологическом состоянии. Круговорот зыбких воспоминаний и иллюзорных видений, преследующий героя, ни на шаг не приближает к разгадке странных, не поддающихся логике событий. Безрезультатные поиски любимой девушки и провалы в памяти доводят его до отчаянья. Попытки хоть что-нибудь выяснить, не приносят ничего, кроме новых вопросов, на которые герой не может дать ответ.

qwertyuiopasdfghjklzxcvbnmqwertyuiopasdfghjklzxcvbn
qwertyuiopasdfghjklzxcvbnmqwertyuiopasdfghjklzxcvbn

И увидел я сон, и тот сон ускользнул от меня... (Книга пророка Даниила, 2:1)

Глава 1.

Он открыл свою страницу в социальной сети на стареньком ноутбуке. На аватаре красовалась ослабленная небритая физиономия в солнцезащитных очках и черном спортивном костюме возле белого японского спорткара. Информация о пользователе: Алексей Романов, город Челябинск 1983 года рождения. Статусом значилась чья-то цитата:

«Любовь слепа и безумна, её не нужно понимать и нельзя бояться,— смелым она дарует прозрение высшего бытия, устранившихся покидает, лишая божественного смысла». Над иконкой сообщений стояла цифра 15. Сердце Алексея радостно забило, «от нее» – подумал он. Он открыл сообщения и шумно выдохнул.

«Ничтожество, жалкий неудачник! Я никогда не буду твоей и никогда ею не была. Ты думал, что вот так просто можно было взять и ворваться в мою жизнь, а потом ее разрушить?»

Я презираю тебя!!!!!!!!!!!!!» Уставившись на монитор, Алексей смотрел сквозь него.

Он прикурил сигарету и выпустил дым в потолок, на нем желтыми разводами виднелись пятна. Рядом с обшарпанным столом, на котором стоял ноутбук, валялась одежда, лежал большой туристический рюкзак и рюкзак поменьше. На грязном линолеуме валялись бутылки и окурки, царила мерзость запойного притона. В комнате стоял кислый запах табака и перегара. Романов подскочил с табурета и с остервенением оторвал кусок свисавших желто-зеленых обоев и бросил его на пол. Вошел на кухню и открыл окно, в квартиру с паром ворвался морозный воздух. Он подошел к окну и стал вглядываться в наступающую ночную мглу. Незнакомые силуэты заводских труб, нежилые постройки и темное без звезд небо быстро надоели его теперь сосредоточенному взгляду, а мороз заставил съёжиться и закрыть окно.

Вернувшись к ноутбуку, Романов стал перечитывать предыдущие сообщения и, прочитав последнее, выругался громко и со смехом. Все сообщения несли приблизительно один посыл, посыл утереться и сгнить вместе с отвергнутым чувством. Аккаунт отправителя был удален, а вот даты не соответствовали событиям бурно разворачивавшегося романа Алексея. Поэтому тот стал внимательно перечитывать всю переписку и дошел до своих сообщений, которых не отправлял.

– Сломали страницу – тихо и задумчиво произнес Алек-

сей, и уже про себя добавил: «Зачем? И кто?».

Он снова стал перечитывать сообщения, обращая особое внимание на даты. Первое сообщение от его имени было отправлено 6 октября 2017 года. Романов хорошо помнил этот день, ведь тогда он мчался к Ней, за тысячи километров, полный надежд и чаяний...

...Приглушенный свет плацкартного вагона и ритмичный стук колес усыпляюще действовали на всех пассажиров поезда № 113С Кисловодск – Челябинск. Но ароматы колбасы, копченого сала и вермишели быстрого приготовления, быстро распространяясь из одного купе в другое, нагоняли аппетит. В вагоне ужинали.

Алексей же, казалось, не замечал ничего вокруг. Одетый в синий спортивный костюм он лежал на верхней боковой полке и придавался воспоминаниям...

В последний раз он видел ее, когда прощался на краснодарском вокзале, стоя у подножки вагона, перекрикивая провожающих, заверяя, что скоро придет. Расставание оказалось пугающе трогательным – она расплакалась, когда вагон тронулся, а он еще минут пять смотрел вслед ушедшему поезду. Его не покидало ощущение, что она прощалась с ним навсегда. Но он же сказал, что придет, обязательно придет. Уже в машине Алексей понял, что его жизнь больше не будет прежней. Его будто лишили чего-то настолько важного, сравнимого только со свободой или, вообще, с жизнью.

Строки родились в голове практически сами собой, картина расставания будто застыла перед глазами Алексея ярким, в мелких деталях, кадром:

Глаза сверкавшие твои
И слезы в тамбуре вагона,
И шум взволнованной толпы,
И запах масляный перрона
Мне не забыть. Дым-пелена
Поверх идущего состава
И сумерек внезапная волна,
И только на надежду право...

Он остановился на обочине и отправил ей это двестише смс-кой. Снова тронулся в путь и минут через пять получил ответ:

«Какие классные стихи !:))».

Что-то резануло его будто ножом, он почувствовал фальшь, но отмахнулся, даже не прислушиваясь к этому ощущению...

Алексей лихо спрыгнул со своего места прямо в тапки, стоявшие между нижними полками, поймал восхищенный взгляд юной попутчицы из соседнего купе, и отправился курить между вагонами. Эту возможность курить на протяжении всего пути ему удалось выторговать, купив три лотерейных билета у проводницы. Взглянув по пути в зеркало у двери туалета, Романов отметил про себя, что он в отличной

форме.

Между вагонами сильно трясло, громыхали стальные колеса и узлы состава, со всех сторон дул ледяной ветер, пронизывающий до костей. Алексей неторопливо втягивал крепкий ароматный дым, выпуская его большими сизыми клубами, и представлял как поезд, светящейся змеей скользит сквозь темноту, навстречу к его «любимой». Мысль о встрече с ней перехватывала дыхание и вызывала сердцебиение. Он ехал без приглашения за 2500 километров, и не хотел думать, чем станет его приезд – сюрпризом или фиаско. Он представлял, глядя в пустоту между вагонами, ее лицо такое детское и открытое. Ему вспомнилось, как впервые довелось утонуть в ее темно-зеленых глазах августовским вечером, сидя с ней на лавке под платанами в центре черноморского курорта. Нежность и счастье буквально выплескивались из этих глаз, трогая самое сокровенное, очищая мысли и унося к первозданному почти младенческому восприятию мира и жизни ...

Бросив окурок на мелькающие рельсы, Алексей отправился с мыслью поскорее уснуть, но взобравшись на свою полку, услышал сигнал пришедшего смс-оповещения, поезд подъезжал к какому-то городу и появилась сеть. Пассажиры хаотично затыкали в свои телефоны, и вагон наполнился многоголосьем уставших от скуки длинного пути. Алексей тоже набрал смс своей любимой и неожиданно получил моментальный ответ, что было, пожалуй, впервые. Завязалась ко-

роткая переписка:

«Привет, красота! Как ты?»

«Ц. Я же просила так меня не называть. Привет(»

«У тебя все хорошо? Как погода?»

«Нормально погода. А у меня всегда все замечательно, если ты не помнишь»

«Сомневаюсь насчет погоды (смайлик с языком) . А я вот в Геленджик еду, там сегодня +27)))»

«Здорово) искупайся и позагорай там за меня)))»

«Обязательно) приезжай! будем вместе бархатный сезон провожать.»

«Ахахаха, сейчас купальники только постираю (смайлик с языком)»

«Ладно, пока, красота (смайлик с языком) фуры скопились впереди, неудобно обгонять»

«Ц. Пока(»

Итак, Алексей был доволен таким незамысловатым обменом своей возлюбленной, сделал он это ради того, чтобы не оказаться раскрытым в своем сумасшедшем к ней вояже. Он переживал, что по времени появления его в сети она может догадаться о его маршруте, совсем недавно та проделала тот же путь. Но переживания эти были напрасны, никто пока за ним не следил. И Романов радостный и уверенный в собственных силах, уснул под мерное раскачивание вагона...

Глава 2.

Она проснулась в 10 утра. Первым делом, едва открыв глаза, не вставая подняла с пола мобильник, пролистала новостную ленту, ответила на сообщения из соцсетей и просто классические смс. Это заняло у нее минут десять.

«Как же хорошо, что суббота. Можно еще пару часиков поспать» – подумала она. Но ее не покидало тягостное ощущение беспокойства после тяжелого сна, который она, как ни старалась, не могла вспомнить.

Она окликнула свою подругу, с которой вместе снимала квартиру, но та не отозвалась.

«Ааа, Света к родителям уехала на выходные» – вспомнила сонная девица.

Встав с постели на холодный пол и не отыскав глазами тапки, она зашлепала босыми ногами на балкон. Это была крупная, что называется кровь с молоком, высокая, эффектная девушка на вид лет 20-25. На ней была только облегающая майка, едва прикрывавшая большие круглые ягодицы, и она напоминала античную статую. С балкона открывался живописный вид на университетскую набережную реки Миасс. Улыбнувшись новому дню, барышня минут пять любовалась одновременно собой, представляя себя глазами своих поклонников, и давно знакомым видом, который ей до сих пор не надоел.

Звали эту девушку Алиса Ланская. Родом она была из

Магнитогорска, ей было 27. Лет пять она уже жила в этой уютной «двушке», почти в самом центре Челябинска. Вернувшись в свою комнату, она плюхнулась в свою огромное ложе и стала с неподдельным интересом изучать свой интерьер, как будто видела его впервые. Небольшая светлая комната, треть которой занимала красивая кованая кровать, белый комод с трюмо, напротив тоже белый шкаф-купе с большим зеркалом, на стенах были развешены фотографии и, будто вьющимся растением, белые провода гирлянд. Бессознательно поставив удовлетворительную оценку своему качеству жизни, Алиса совсем забыла про свое тревожное пробуждение.

«Тренировку не проспять бы» – последнее, что пронеслось в голове перед тем, как она вновь заснула. И действительно, Алиса проснулась, когда уже стемнело, взглянув на время в телефоне подскочила из постели, за минуту почистила зубы и умылась, и пулей понеслась в свой любимый «Fitness-hype».

Ланская вышла из фитнес-центра, который находился в километре от ее дома. С ее лица не сходила улыбка, глаза излучали теплоту и свет. Но что-то едва уловимое, что-то липкое и приторное было в этом взгляде с поволокой, взгляде красивых и больших темно-зеленых глаз.

«Чего это она так смотрела на меня? Нужно запомнить номер ее машины, она, кажется, работает в нашем бизнес-центре. Блин, классный у нее GL», – улыбаясь, Алиса

обнажила два ряда жемчужно-белых зубов.

« Так классно потянулась сегодня. Сессия еще эта некстати. На работе завал, хоть бы к новому году разгрести», – ее мышцы приятно ломило от усталости и, вскинув плечами, она, приосанившись, возвращалась к себе на квартиру.

Почти у самого дома ей пришло смс, на дисплее высветилось « Отбитый». Открывая сообщение, она мысленно посетовала: «Капец, блин! Что ему нужно от меня?».

Решив сразу ответить, она остановилась возле своего подъезда, несколько минут потратив на переписку. Закончив, вслух Алиса громко произнесла: « Ну и катись! Меня-то, зачем доставать?»

Ланская вспомнила вдруг свой сегодняшний сон, который не давал покоя. Во сне он приехал к ней, этот « Отбитый» из своего Пятигорска или откуда он там, и стоял у порога с блестящими от гнева глазами. От этих глаз становилось жутко, и Алиса во сне пыталась закрыть перед ним дверь, но не могла. А он просто молча стоял и смотрел.

« Увидал во сне хомут – не видать лошадки»– мысленно успокоила себя Алиса, – « Да и не настолько же он отбитый, чтобы через всю Россию переться от ворот поворот получить».

Эти мысли занимали ее всего несколько секунд. Уже в лифте она опять вспомнила, что ей нужно было готовиться к экзаменам, через два дня начиналась сессия. В институте культуры, где она училась на музеолога, Ланская была на

хорошем счету у преподавателей, благодаря своим достаточно глубоким и разносторонним знаниям. По поводу сессии она нисколько не переживала, и поэтому поднявшись к себе она сразу отправилась в душ, а после принялась за мейкап. В этот субботний вечер ее ждали сразу в двух компаниях, а она еще не решила, куда ей отправиться. Прихорашиваясь возле зеркала, она выбирала свой вечерний наряд. В этот момент зазвучала тихая мелодия ее мобильного, звонил «Любимый человечек». Алиса вкрадчивым и нежным голосом заворковала с длинными паузами.

– Привет! Я соскучилась...

– У меня все хорошо, ведь ты же со мной...

– У нас так холодно. Вот-вот снег выпадет...

– Как твоя рука? Все еще болит?..

– Это хорошо. На новый год не меняются планы?..

– Я буду ждать и надеяться, что мы увидимся...

– А мне вчера снилось, что мы по Ростову с тобой гуляем...

– Лучше ты приезжай ко мне в Челябинск. Ахахаха...

– Да и я тебя целую. Звони чаще, пожалуйста. Пока!

Весь этот, видимо, «содержательный» разговор занял почти четверть часа, и Алиса поняла, что опаздывает. Она решила, что поедет в то место, где раньше забеспокоятся и поторопят ее. Снова раздался телефонный звонок.

– Да, привет! Уже еду!

– Вы в VIP-зоне? Ок, я найду.

Ланская отправлялась в клуб, сегодня ее ждали мегаватты света и звука, и конечно танцы. Она вызвала такси и вышла на улицу, не дожидаясь ответного звонка о подаче машины.

Глава 3.

Алексей сладко потянулся и уперся левой рукой в стену вагона, в котором происходила гастрономическая вакханалия – запахи копченой рыбы и колбасы, сала, вареной курицы и яиц, вермишели и пюре быстрого приготовления, свежих томатов, огурцов, дыни и арбуза, груши, корейских салатов и солений смешались в один, вызывавший обильное слюноотделение, – поезд завтракал. Алексей слез с верхней полки, огляделся и не увидел вчерашних попутчиков – в его купе было пусто; он встал в приподнятом настроении впервые за несколько дней. К его неопишуемой радости, ночью на какой-то из станций сошла брюзжащая на всех и вся бабка, занимавшая место под ним. Алексея мало трогало ее желчное недовольство по поводу практически всего, но его раздражал запах смальца, который он с детства не переносил. А эта престарелая женщина везла его каком-то невероятном количестве, помещенным в трехлитровые банки, накрытые полиэтиленовыми крышками. Нагреваясь, этот адски экологичный продукт бил своими испарениями прямо ему в нос, заставляя Алексея бегать на перекур практически каждые полчаса.

Улыбаясь помятым лицом и неспешно следуя в туалет для всех утренних процедур, он обнаружил, что тот закрыт. Поинтересовавшись в ближайшем к туалету купе о длительности санитарной зоны, Алексей решил покурить. Откуда-то вынырнула проводница и противным голосом, словно гнущаяся пила, сказала: « Курить пару часов нельзя. Начальник поезда ходит ». Романов вернулся на свое место и начал приготовления к завтраку. Разложив мало отличавшийся от всех остальных провиант на столике под своей полкой уже было собрался завтракать, но поезд остановился. В окне напротив показался вокзал Самары. Алексей оставил все на столе и поспешил на перрон за утренней дозой никотина. Вернувшись в вагон, он обнаружил рядом со своим завтраком пыхтящего армянина лет 50-ти рослого и крупного с большим животом и могучими плечами.

–Убирайте еду, я спать собираюсь,– недовольно бросил он Алексею.

–Уважаемый!!!– ощерился было Алексей, но тут же улыбнулся. – Утро же, присаживайтесь со мной завтракать, после выпитесь. Вдвоем аппетитнее.

И не дожидаясь ответа, достал сверху из своего огромного рюкзака бутылку горькой настойки. Поставив ее на стол, Романов увидел, что его новый сосед тоже достает из пакета еду.

–Алексей,– важным тоном, но с широкой улыбкой сказал он и протянул руку своему попутчику.

– Армен, – ответил тот сухо и пожал руку в ответ. Они усе-
лись завтракать, и после третьей рюмки завязалась беседа о
том кто и куда держит свой путь. Армен уже начал расска-
зывать про свою многочисленную родню и Романов понял,
что отмолчаться не получится, поэтому решил врать напра-
палу, чтобы не сглазить свое, итак имевшее мало шансов
на успех, предприятие.

– Живешь в Челябинске с семьей? – спросил Армен почти
без акцента и после короткой паузы, закончив свою длинную
тираду о запутанном и изломанном «перестройкой» генеа-
логическом древе его семьи.

– Да жена есть, но гражданским браком живем, – ответил,
улыбаясь, Алексей.

– Мм, а детки есть?

– Нет пока, да мы и не планируем.

– Плохо. Без детей женщина – пустоцвет. Деток надо. А
сколько ей лет, чем занимается?

– 33. Она нейрохирург.

– Ох, а тебе сколько? Чем сам занимаешься?

– Мне 35. Я торгую... детским...

Наливая следующую рюмку, Алексей прислушался к соб-
ственным мыслям и ощущениям. Постоянные размышле-
ния о своей зазнобе уже стали привычными и существовали
неким фоном в его сознании, но когда они начинали визуа-
лизироваться, это выбивало его из колеи и практически па-
рализовывало на какое-то время, поэтому Романов как мож-

но реже старался ее себе представлять. Сейчас он явственно увидел ее улыбающееся лицо и, чтобы отвлечься, решил реабилитировать образ возлюбленной в глазах своего собеседника. Экспромтом он придумал и неспешно начал свой монолог.

– Она врач от бога. По 18 часов в сутки работает. Все время на семинарах и конференциях, а после практика в больнице. Я, бывает, ее за месяц 2-3 раза вижу. То в Москву, то в Питер летает, за границей часто бывает. Ее в институт Склифосовского приглашают сейчас, а она Москву не любит.

Сама она из Питера, но уже семь лет живет в Челябинске. Мы с ней 2 года назад познакомились на море, я там торговал, а она на конференции очередной была. Через месяц я к ней в Челябинск приехал. С тех пор вместе, эх, правда часа два в день и когда спим. Естественно, при ее ритме жизни она ничего не успевает, все хозяйство на мне, но я не жалею – у меня свободного времени хватает, даже слишком, – Алексей уставился в окно, вспоминая как на самом деле, произошло их знакомство.

– Жениться на ней хочу, но она говорит, что только после того как осядем где-то насовсем, – лицо Алексея принял мечтательное выражение и глядя куда-то вдоль всего вагона он продолжал. – Она в Германию хочет, ей в Гамбурге уже давно место приготовлено в какой-то дорогущей частной клинике. Но в Германию я наотрез отказался, у меня-то и в Челябинске знакомых почти нет, а там, в Германии, еще и языковой

барьер, да и вообще, ненавижу я этих «толерантных». Вот так и живем: она – светило, а я вокруг так сказать вращаюсь.

Но без нее не могу, как-то поскандалили еще в самом начале, я на две недели уехал на родину в Ставрополь, приревновал ее к научному руководителю их института, а сам потом места себе не мог найти – вернулся, – Алексей улыбнулся одними губами, продолжая смотреть в сторону купе проводников. – Она приняла, посмеялась только и попросила не ревновать. Не ревнуй тут как же, вокруг нее хороводами вьются и не абы кто, все со степенями научными каждый при должности. Но привык уже, да и верю ей как себе. Вот такая вот, девочка моя любимая!

Алексей смотрел на Армена и пытался прочитать реакцию в его глазах, но кроме жалости ничего не увидел.

– Тебе ребенка срочно надо зачать, ты ее не спрашивай, тогда все наладится, – заключил Армен и неожиданно сам перевел тему разговора.

Последний день пути прошел почти незаметно в непринужденной беседе и легком подпитии. Алексей очнулся лишь, когда его теперь хороший знакомый Армен сошел в Орске. На прощание они обменялись номерами телефонов, и, пожимая руку, уже спустившись с подножки вагона, Армен сказал Алексею:

« Обязательно ребенка сделай, ахпер. Не будет без него счастья».

Алексей вернулся в вагон, до Челябинска оставалась

шесть часов пути, зная, что уснуть не получится, он вновь предался мечтам и воспоминаниям. Он представлял, как уже сегодня на автовышке с цветами влезет на четвертый этаж таким донжуаном, и все будет хорошо. Потом его вместе с любимой люлька вышки поднимет метров на 30, и они там будут долго-долго целоваться. После вспомнилась их первая встреча, и Алексей заново отматывая и перематывая кадры, наблюдал, словно со стороны, за их первым поцелуем.

За окном светало, пейзаж стал меняться. Вместо бесконечных непроходимых лесов появлялась то тут– то там открытая местность с многочисленными водоемами, и день обещал быть солнечным. Романов посмотрел на наручные часы, было пять утра, и отправился бриться, чтобы хоть чем-то себя занять и не толкаться в очереди, когда все проснуться, хотя вагон был почти пустой. Через полчаса гладко выбритый он, наконец, покинул туалет и, набрав кипятка, заварил себе чай, а после пошел курить. Проделав эту процедуру раз десять, он снова взглянул на часы, было 6:15, до прибытия оставалось 15 минут, и Алексей уже с трудом скрывал, охватившее его волнение.

« Ну, откажет, так откажет!» – мысленно произнес он и начал переодеваться.

Перед поездкой он обдумывал, в каком облачении предстать пред ясны очи своей ненаглядной, и решил остановиться на повседневной своей одежде. Теперь Романов стоял в своем купе ростом чуть ниже среднего обутый в серые

похожие на армейские ботинки, в песочного цвета штанах с накладными карманами выше колена и синей куртке «a la aviator», бритую голову скрывала серая бейсболка. Густые черные низкие брови и блестящие близко посаженные глаза, тоже черные, словно угли, предавали лицу Алексея излишнюю суровость, особенно когда он не мог себя контролировать.

Именно это часто влияет на первое впечатление о человеке, но задумываться о таких пустяках Алексею сейчас было некогда. Он выскочил из вагона, словно на крыльях. Большой туристический рюкзак литров на 60 он нес на одной лямке, найдя глазами переход, через минуту вошел в челябинский вокзал. Почти бегом проскочив надземную галерею, зашел в основное здание, спустился в камеру хранения и оставил там рюкзак, заплатив за сутки. Пройдя через рамки металлоискателей, которые беспрестанно пиликали и на которые, никто не обращал внимания, включая полицейских, Романов вышел на привокзальную площадь.

– Ну, здравствуй, Челябинск! – почему-то вырвалось у него, хотя с этим городом его ровным счетом ничего не связывало.

Поискав такси и не найдя свободных Алексей ввел поисковый запрос в смартфоне и через 2 минуты оператор сообщил, что его ожидает коричневый фольксваген с номером таким-то.

– Доброе утро, университетская набережная 22 , – сооб-

шил водителю Алексей, усаживаясь рядом. – Да, и по пути надо будет за цветами заехать.

Водитель кивнул, ничего не ответив, повез его на указанный адрес. Когда-то лет 17 назад Алексей уже был здесь проездом, он ждал пересадки до Сургута. Но в памяти никаких откликов не возникло. Вглядываясь в архитектуру, он отметил для себя, что город, как город – ничего примечательного, только вот пробок нет, несмотря на пиковое время. Водитель остановил у цветочного киоска, и Алексей энергично проследовал к надписи «открыто». Розы из тех, что были, не слишком ему нравились, но он решил не привередничать и попросил букет из 25 штук. Романов был ограничен во времени, в девять должна была приехать автовышка, а по местному времени выходило, что уже 8:55. Снова сев в машину, он набрал номер диспетчера, через которого заказывал спецтранспорт, но там ему никто не ответил. Уже через минуту он был перед ее домом.

Оставив водителю сумму сверху за ожидание, Романов пошел обходить дом вокруг. Алексей убедился, что вышке хватит свободного пространства для ее манипуляций и задрал голову вверх, нашел окно, которое подходило по всем локациям, и отметил, что в него можно при большом желании влезть и с букетом в зубах. Но сразу же откинул эту мысль, вспомнив, как влез однажды в юности в чужую квартиру, – в чужом городе это было, мягко говоря, неприемлемо. Он снова набрал биржу спецтранспорта и услышал в

трубке только гудки.

«Ладно, без вышки придется, не так эффектно, зато меньше соблазна поддаться влиянию момента», – подумал Алексей.

Именно да или нет, он желал сейчас услышать от своей Алисы, и ничего кроме.

Он подошел к водителю и поинтересовался, как пройти к ближайшему супермаркету, который он видел при въезде во дворы. Тот объяснил ему, и Алексей отправился за шампанским. Взяв самое дорогое из того что было, он проследовал назад, по пути все равно вызванивая эту треклятую автовышку. Вернувшись к такси, Алексей достал с заднего сиденья букет и решительно зашагал к ее подъезду.

Набрав через домофон наобум номер квартиры, его устраивали все варианты кроме 11-ой, и дождавшись ответа, он сказал, что это служба доставки. Ему открыли и, буквально на долю секунду Алексей остановился в нерешительности, вспоминая ту длинную отповедь, которая Алиса прислала ему, через голосовой мессенджер. В ней она настойчиво просила его не приезжать, а еще у Алексея появилось мерзкое и довлеющее ощущение от какого-то то ли воспоминания, то ли сна. Но мигом отбросив все сомнения, он пешком стал подниматься на четвертый этаж к той самой заветной двери. Поднявшись, он несколько секунд изучал таблички на дверях, затем подошел к искомой и нажал кнопку дверного звонка. Не дождавшись результата, Алексей затарабанил

в дверь кулаком, хотя много позже выяснил, что звонок исправен. За дверью не было слышно ни звука, но тот не переставал стучать.

« Неужели чужой адрес дала ?!», – зазвучало с каким-то надрывным писком в затуманившемся на мгновение сознании.

Но вот за дверью послышалась какая-то возня, звуки открывания и закрывания межкомнатных дверей, потом было слышно, как возле самой двери, туда-сюда семенили чьи-то босые ноги. Вся эта катавасия длилась минут пять и, наконец, дверь распахнулась. Выглянуло с растрепанными волосами без макияжа девичье лицо с ошалелым, ничего, казалось, не видящим перед собой, взглядом.

– Привет, – все, что смог выдать из себя Алексей и усталый на возлюбленную. Та смотрела на него все теми же дикими глазами, в которых читалась и оторопь, и недоумение, и злость.

– Я не пущу тебя!!! Нельзя так врваться! Ты вообще адекватный?! – наконец произнесла Алиса после более чем мхатовской паузы, и теперь в ее взгляде застыла лишь злость. Сердце Алексея сжалось, и он почувствовал, как оно останавливается. Руки, застывшие в полужесте и готовые отдать букет, опустились, кисть не разжалась, но цветы уже были обречены пасть к ее ногам...

Лицо любимой расплылось в неясные темные контуры, перед Алексеем вновь возникли мрачные стены его временного пристанища. Он медленно водил белками мутных глаз, в которых с недавних пор стал вспыхивать тот нехороший огонек, заставляющий всех, на кого он смотрел внутренне вздрогнуть. Наконец картинка сфокусировалась: на грязном подоконнике двумя стопками лежали забытые кем-то книги, на мутном стекле окна видны были плевки и смазанные следы чьих-то ладоней. Романов пошарил рукой под столом, и достал початую бутылку водки, сделал 3 больших глотка, осушив почти половину, поставил бутылку на пол перед собой.

С ним и раньше случались такие ретроспективные погружения, но они не были настолько яркими. Он не мог сейчас сказать, сколько времени он был в полузабытьи час или сутки. На дисплее ноутбука разноцветными лентами извивалась заставка. За окном стояла глубокая ночь. Романов допил оставшуюся водку и закурил шумно и жадно. Опьянение и следующее за ним облегчение все не наступали. Пошарив по карманам и нащупав кошелек, Алексей отправился в круглосуточный магазин в цоколе рядом с подъездом.

Набрав целый пакет выпивки, он вернулся в свою нору, но перед тем, как вдрызг напиться, достал из рюкзака конверт с новой сим-картой и четыре мобильника. Он выложил их на стол – два обычных кнопочных «фонарика» и два смартфо-

на. Алексей вставил симку в первый попавшийся фонарик и привязал все свои аккаунты к новому номеру, поменял роли и записал их на куске обоев, подобранным с пола. Отодвинув ноутбук, он сходил на кухню за стаканом и поставил его на стол, достав из пакета водку, налил в стакан почти до краев, залпом выпил и медленно сполз с табурета на пол, проваливаясь в пахнущую топленым жиром темноту...

Все четыре телефона разом затрезвонили разными по высоте звуками, Алексей очнулся, полусидя на полу, и несколько минут пытался справиться с ними, отключая на всех будильники. В голове пульсировал нестерпимой болью, казалось, весь головной мозг. Уже приложив горлышко бутылки к губам, чтобы опохмелиться, он заметил на телефоне какое-то оповещение, поднес к лицу и с трудом прочел: «У тебя завтра выставка. Екатеринбург. Atrium palace. Екатерина Ивановна +79221561544.» Скорчившись, он поставил бутылку под стол и с трудом поднялся. Алексей не помнил, с каких пор заимел привычку оставлять себе напоминания, но теперь они стали его единственной путеводной нитью.

Он долго шарил в вещах и, наконец, достал пластинку каких-то красно-белых капсул, выдавил горсть себе на ладонь и разом закинул в рот, запив их все-таки водкой. После поплелся в ванну и, взглянув на себя в зеркало присвистнул. В нем отражался алкоголик лет 50-ти со взглядом перепуганной лани. Набрав ванну, он приготовил все для бритья и по-

лез в нее, что называется откисать, после долгого запоя.

Через три часа бритый от затылка до кадыка, словно бильярдный шар, из зеркала на Алексея смотрел вполне приличный лет 35 мужчина, с блестящими неумемной энергией глазами. Заварив себе чай, Алексей расположился на кухне и стал звонить администратору выставки. Ни на одном из трех телефонов, которые он взял с собой денег на счету ни оказалось. Поэтому он отправился в комнату за тем, в который вчера вставил новую симку. Договорившись о встрече завтрашним утром он закончил разговор и увидел непрочитанное смс. Открыл сообщение и замер. «Номер отправителя скрыт или неизвестен:

«А ты знаешь, я до сих пор помню тот первый букет, который ты кинул мне тогда под ноги. Цветами в меня никто не швырял)».

–Как?! Ведь нашла же! Да что за качели!? – почти взвыл Алексей, и ему невыносимо захотелось к ней в ее светлую комнату, где пахло ванилью, а на стенах висели их общие фотографии и на полу перед кроватью сидел огромный плюшевый медведь, которого он подарил ей на Новый год.

« Никогда!!!» это слово ножом вошло от темени до сердца, причинив физическую боль.

« Да, нельзя. Навсегда нельзя. Но ведь должен быть способ»,– подумал Алексей и криво ухмыльнулся,– « Хватит, брат, ты все перепробовал».

Он вернулся в комнату, бросил телефон на грязную ку-

шетку, накрытую засаленным пледом, собрал ворох грязных вещей и запихнул в стиралку. Достал из рюкзака чистое и наспех, не глаженным, одел на себя, накинул пуховик и выскочил из квартиры, забыв запереть дверь. Ему срочно нужно было проветриться. Он отправился в центр города, где, даже не сознаваясь самому себе, надеялся ее повстречать.

Мороз и миорелаксанты сделали свое дело – впервые за несколько дней сознание прояснилось, и Алексей улыбался в ответ на улыбки встречных прохожих. Был вечер воскресенья, и в центре было полно народу. Семьи с детьми, студенты, престарелые интеллигентного вида пары, какая-то иностранная делегация наводнили центральную пешеходную улицу Челябинска. Поперек широкого проспекта снова ли торговцы блошиного рынка. У разнообразных бронзовых скульптур фотографировались гости города. С неба сыпал редкий пушистый снег, взметаемый фонтанчиками от легкого ветерка с тротуарной плитки. Ноги сами понесли его туда, где совсем недавно он обрел счастье, Алексей направился к колесу обозрения. Он снова погрузился в воспоминания, но уже без надрыва и, вначале, не теряя связи с реальностью.

– Тогда была гораздо теплее, родная!– сказал он вслух, глядя на электронное табло, которое показывало «-25».

Глава 5.

Он вспомнил ее злые глаза, буравившие его и готовые, ка-

залось, испепелить. Он с букетом, открытая дверь и будто стекло между ними.

– Скажи, чтобы я уезжал, и я пойду, – сказал Алексей ровным низким голосом и его взгляд из щенячьего вдруг стал волчьим.

Алиса наблюдала за этой метаморфозой, и было видно, что ей не по себе, она молчала.

– Ну, говори же, – почти прохрипел он через минуту, но это не возымело никакого результата, девушка смотрела на него молча, взгляд ее стал разве что чуть мягче.

– Скажи мне, чтоб я уходил!!! – наконец проревел Алексей.

– Уходи, – будто очнувшись от этого окрика, тихо ответила Алиса.

На глазах ее наворачивались слезы, но Алексей этого уже не мог заметить. Он бросил букет на пол, развернулся и, перескакивая по три ступеньки, стал спускаться по лестнице, хотя все зашаталось вокруг, и свет как из перегорающей лампочки засветил тускло-тускло.

– Это финиш, брат! – одними губами прошептал Алексей, и словно ошпаренный выскочил из ее подъезда.

Он молча уселся в такси, которое не отпуская и поехал обратно на вокзал. Машина не проехала и нескольких сотен метров, как пришла «смска». Он вздрогнул всем телом, выходя из оцепенения, но, не доставая телефон из кармана, продолжал сидеть с безучастным видом. По пути водитель

стоически хранил молчание, изредка поглядывая на своего странного пассажира. Мысли Алексея путались, он рассеяно наблюдал за потоками машин, глядя в лобовое стекло. Ему казалось, он был готов к такому исходу, а вышло, что нет. Романов сам вынудил прогнать его. Он знал, что ее реакция лакмусовая бумажка – это все равно, что разбудить близкого ночью и попросить у него воды.

Алексей понимал, что проиграл и битву, и войну без сражения – он просто не интересен. С наскока взять эти стены не получилось, да и выходило, что не зачем. К долгой осаде он не то что не привык, а вообще считал это пустой тратой времени, к тому же экспромт всегда был его коньком. А может необходимо доказывать свою любовь долго и упрямо, что все люди разные и кто-то может усмотреть в его действиях подвох, а кто-то простое сумасбродство, и только время расставит все по местам? Наконец он пересилил себя и достал телефон, чтобы прочесть смс.

« Ну, нельзя же так врываться. Ты бы мог как-то предупредить. Ты ненормальный. У меня сессия и я спать сегодня легла в 4 утра ».

Он выругался про себя, а вслух произнес: « Поучи меня жизни еще ».

Романов твердо решил первым же поездом возвращаться домой. Вернувшись на вокзал, он купил обратный билет – ближайший поезд шел следующим вечером. Он взял вещи из камеры хранения и снял номер в гостинице вокзала. Око-

ло часа он провел в душе пытаясь мысленно собраться , но ничего не выходило. Мысль, что вот она его любимая рядом только протяни руку, не давала Алексею покоя. Он оказался почти в кататоническом ступоре. Тело сковало, словно судорогой, и он тихо замычал, точно глухонемой, обливаясь ледяной водой гостиничного душа. Кое- как придя в себя, он вышел из номера и отправился побродить по городу, в надежде, что ходьба успокоит его. Но дошел до ближайшего фастфуда, зашел внутрь и заказал пива. Отчаянье и гнев бессилия переполняли его. Что он еще мог сделать, чтобы быть с ней.

И он, впервые за много лет, взмолился, обращаясь к небесам:

« Господи, я знаю, что не заслужил ее. Пусть она будет счастлива хотя бы и не вместе со мной, но не сейчас. Умоляю, пусть она будет моей хоть на час, на минуту. Я не вынесу этого Господи! Умоляю, дай мне ее!»

Через десять минут от нее пришло сообщение следующего содержания:

« Если ты еще не уехал, то я хотела бы тебе вечером показать Челябинск. Ну, если захочешь, конечно)».

– Жестокая! – вырвалось у Алексея.

« Друзьями не будем»– написал он в ответ. На это Алиса ничего не ответила.

Алексей тут же забыл про все на свете: про свои мольбы, внутренние стенания и про утреннее фиаско, и про то, что

собрался завтра ехать обратно в Ставрополь. Он стремглав помчался в номер, необходимо было немного отдохнуть и привести себя в порядок. По местному времени было 2 часа дня. Эти несколько часов, которые он находился в Челябинске стали настоящим испытанием для него. Это все походило на какой-то странный глупый сон.

Он вернулся в номер и снова принял душ, но на этот раз теплый, вымывшись, лег на кровать, закинул руки за голову и уставился в окно. Теперь в его голове возникла другая дилемма, что значили ее сообщения – это простое женское любопытство или польщенное тщеславие, требовавшее еще этого сумасшедшего накала эмоций, который он принес со своим появлением? Ответ лежал на поверхности – это одно помноженное на другое. Естественно, он приехал к ней за 2500 км, приехал без приглашения просто, чтобы увидеться – тут ни одна не устоит перед соблазном рассмотреть внимательнее такого пылкого ухажёра. Но и надежда, что она испытывает к нему все-таки еще что-то кроме этого, конечно, не покидала его. Убедившись, что уехать у него просто не хватит сил, Алексей и такое положение вещей принял, как божественный дар. Он снова увидит сегодня ее – ненаглядную, ее – царицу дум своих.

Он ждал, что Алиса еще раз напишет, чтобы договориться о времени встречи, но та, похоже, не торопилась. Поразмыслив о том, как он будет выглядеть в ее глазах, если сам напишет и спросит, понял, что в любом случае проиграет:

пойдет он на эту встречу или нет. Он теперь просто игрушка в ее опытных женских руках, но с этим был готов поспорить. Хотя также, всего несколько часов назад, он считал, что готов уехать в случае отказа.

Он написал первый. Встреча была назначена на начало шестого возле ее института. До встречи оставалось больше двух часов и, не зная чем себя занять, тот решил снова пройтись. На этот раз прогулка получилась более продуктивной, он дошел до сквера, табличка перед входом в который именовала его пушкинским садом, и уселся на лавочке изучая прохожих и тех немногих, кто сидел неподалеку. Только сейчас Романов почувствовал, что, не смотря на солнечный день, погода стояла прохладная. И одет он оказался легко, так что его уже начинал пробирать озноб, но отметил с облегчением, к нему вернулась былая уверенность в себе. Он решил не торопиться с теми выводами, которые успел сделать в первой половине дня и предоставить Алисе право самой объяснить свой холодный прием. Ведь еще месяц назад «на море» он видел, как ей хорошо рядом с ним. Он не мог ошибиться, ее глаза светились тогда счастьем. Но вспомнилось и то, как резко его возлюбленная оборвала с ним любые контакты, как только она покинула его, а затем прислала голосовое сообщение, в котором убеждала, что между ними ничего уже нет, и требовала оставить в покое и не приезжать.

Алексей отправился в ближайшее кафе, чтобы согреться и заказал кофе. Через 40 минут он вызвал такси и, оказалось,

что он находился в паре минут ходьбы от института, где Алиса сдавала сегодня экзамен. Он снова оставил щедрые чаевые таксисту, чтобы оставшееся до встречи время подождать в машине. Продумывая начало разговора, он решил, что совершенно необходимо дать понять ей – он если не контролирует ситуацию, то хотя бы владеет собой.

«Но теперь это не война, это охота. И дичь на ней я», – с рассеянной улыбкой подумал Алексей. После недолгих попыток решить такую задачу, он еще раз усмехнулся и понял, что если бы он владел собой, его бы здесь не было.

«Посмотрим, что ОНА скажет» – заключил он и отправился ко входу института.

Она была одета в черное короткое пальто поверх красного вязаного свитера, в светло-синие джинсы и обута в белые кеды, на левом плече ее висел маленький коричневый рюкзак. Прислонившись к перилам, Алиса стояла на ступеньках у входа и внимательно наблюдала за приближающимся Алексеем, глаза ее как всегда ярко блестели, но лицо не выдавало ни радости, ни волнения. Он тоже рассматривал ее и ему захотелось бежать к ней, но справившись с этим порывом, Романов прежним шагом подошел к ней.

– Привет еще раз! – стараясь придать тону как можно больше ироничности сказал Алексей.

– Виделись же вроде, – с той же иронией ответила Алиса.
«Началась травля. В шахматах, по-моему, это называется отдать качество», – подумал Алексей, а вслух сказал:

– Я подумал, может ты удивлена, что я жив. Ты меня уже дважды убиваешь, я прямо не успеваю тебе патроны подавать.

Он рассмеялся, но в глазах Алисы мелькнула злость и тот осекся.

– И когда же я тебя убила впервые?– серьезно спросила она.

Романов хотел ответить, что когда перестала отвечать на его звонки и везде заблокировала, но интуитивно почувствовал, что после выяснения отношений все вновь будет конечно.

Поэтому он спокойно ответил:

– Когда впервые я увидел тебя.

И как только Алиса улыбнулась, Романов понял, что капкан захлопнулся, теперь он пойдет за ней, даже в преисподнюю.

– Ну, пойдем, горячий южный парень, покажу тебе красоту, – сказала Алиса слегка пренебрежительным тоном.

И они через дворы отправились к тому самому скверу, где еще час назад прогуливался Алексей. Алиса старалась держать Алексея немного поодаль от себя и тот не сопротивлялся. Они выглядели любопытной парой – она на полголовы выше него, с горделиво расправленными плечами, яркая и естественная, он сутуловатый с шаркающей походкой, угрюмый, с пронизывающим взглядом, который не выдерживал почти никто из прохожих, обращающих на них внимание.

« Господи. Я чувствую себя рядом с ней, как школьник, и она это понимает, ну или догадывается. Остается только верить, что еще она понимает, какая буря во мне сейчас... Я даже сам не знаю, что может случиться, когда... Господи из-бавь!», – так вот незамысловато и коротко помолился Алексей второй раз лет за десять.

После этого он взял его под руку, слегка потянул к себе, развернул, и хотел было поцеловать, но Алиса упреждающим жестом поднятой вверх ладони остановила его, посмотрев свысока и укоризненно.

– Слушай, любимая, ты же понимаешь, что долго еще не встретишь такого придурка, который примчится к тебе за тысячи километров? – спросил Романов, когда они уже были в парке и наблюдали, как ребенок гонял огромную стаю голубей, расхаживающих вокруг скамеек.

– Это шантаж? – парировала Ланская и повернулась к нему.

– Это факт. И я тебе в любви признался еще таким образом! – с волнением выдал из себя и заглянул в ее искрящиеся от смеха глаза.

– Ну не знаю, не знаю, – многозначительно ответила Алиса и рассмеялась, при этом на несколько шагов отстранившись.

« Да что она мысли читает что ли? », – с досадой подумал он.

Новая попытка поцеловать ее была раскрыта и уничтоже-

на в зародыше. И он, как побитый, поплелся за поведшей его из парка Алисой. По пути с пылом молодого краеведа та стала рассказывать о достопримечательностях Челябинска. Он слушал вполуха, а сам изнывал от желания просто прикоснуться к ней. Они прошли мимо здания театра, пересекли площадь и через подземный переход вышли на «Кировку». На этой оживленной пешеходной улице в самом центре города располагалась выставка местных фотографов. Ланская подвела Алексея к стенду и не без гордости, но все же больше кокетливо, указала пальчиком на фото. На нем были запечатлены пара черных жеребцов, вставших перед друг другом на дыбы, на фоне живописного ландшафта. Под фото значились ее инициалы и фамилия, но он не обратил на это внимания, потому что рядом увидел фотографию, которая тронула его воспаленное сознание.

На черно-белом фото была изображена престарелая женщина в исконно русском наряде возле покосившейся хаты, в ее глазах застыло одиночество. Алексей вспомнил, что у его матери вчера был день рождения, он совершенно забыл про это. С отрешенным видом он отошел в сторону и остановился.

«Господи, девочка моя! Стоишь ли ты этого всего?», – спросил себя он мысленно. Алиса в свою очередь надула свои пухлые губки и расположилась на противоположенной стороне галереи.

Уличный музыкант метрах в десяти от них затянул «сире-

невый туман», Ланская улыбнулась и, глядя на музыканта, смеясь произнесла:

– Тебя тут прямо все провожают.

Алексей от такого укола душевно почти сник вовсе, но внешне старался держаться, как и прежде.

– Ни черта ваш кондуктор челябинский не понимает! – бросив пригоршню монет в чехол из-под гитары, сказал Романов музыканту, а Алисе показал язык.

Та в ответ игриво замотала головой, скашивая глаза к носу. Алексей кисло улыбнулся и они пошли дальше. Остановившись на набережной, они несколько минут простояли молча глядя на заросший травой Миасс. Прогулка подходила к концу, а Алексей так и не услышал объяснений утреннего поведения Алисы. Свести на нет, эти итоги у него тоже не вышло. Он с отчаяньем поглядел ввысь.

– Пойдем на колесе обозрения прокатимся, – предложил он без намека на энтузиазм.

– Пойдем, – просто, и как ему показалось, с грустью в голосе ответила та, из-за которой ему сейчас хотелось броситься в воду и утонуть.

До колеса обозрения было минут десять ходьбы, и Алексей решил все же говорить с любимой, пусть и о пустяках, но все же слушать и внимать ее нежный голос. Ему нравился ее тихий уральский говор и юный чистый смех. Он совсем перестал улавливать суть произносимых ею слов, он наслаждался музыкой ее речи.

Хотя при этом Романов рассуждал уж совсем упаднически: « Она даже не в кошки мышки со мной играет, она, как паучиха, просто ждет, когда я перестану трепыхаться, чтобы сожрать меня. Даже не так, она давно высосала всего меня, а теперь в недоумении смотрит на трупик, который колышется ветром, и цепляет ее сигнальную паутину».

Они поднялись в развлекательный комплекс, взяли билеты и по длинному коридору отправились к аттракциону.

– Вот здесь и придется распрощаться, – прошептал Алексей.

Алиса не услышала его слов. Они сели кабинку на разные сиденья напротив друг друга. Поднявшись на самый верх, Романов почувствовал, как тоска несбыточного и обманутого чувства раздавила его. Он смотрел на нее, та же с детской непосредственностью любовалась панорамой, а Алексей не обращал внимания на потрясающий вид. Давно уже стемнело, и город вспыхнул тысячами разноцветных огней.

– Жаль, что снаружи кабинку запирают, – вдруг нарушил он молчание.

– А ты бы прыгнул? – с непонятым восхищением и интересом спросила Алиса.

Он горько ухмыльнулся, придвинулся к окну и посмотрел вниз, затем подняв глаза на несколько секунд, с восторгом смотрел на открывшийся городской пейзаж. Повернувшись к ней, он с удивлением поймал на себе ее нежный взгляд. Такой взгляд был у нее там, на юге, когда они были вместе.

– А помнишь ту ночь, звезды в соснах, круча над морем? Помнишь, ты сказала, что мы обязательно прокатимся на этом колесе, если я приеду к тебе? Помнишь!?! Что изменилось? – выпалил надрывно Алексей.

Глаза Алисы увлажнились, она была готова вот-вот расплакаться, как показалась ему.

«Какой романтичный конец!», – пронеслось в голове у Романова и острым крюком засело в сердце.

Он только сейчас физически почувствовал, что его грудь сковали, будто стальные тиски. На самом деле боль в груди начала преследовать его с самого начала встречи со своей милой сердцежкой. Он надеялся, что сейчас его просто не станет, и завтра его окоченелый труп будет лежать с биркой на ноге в челябинском морге. Он задышался. Сквозь какую-то дымку он видел, как выходя из кабинки, подал ей руку, и они пошли по бесконечному коридору назад. Они оба не замечали, что теперь шли, держась за руки. Проходя мимо кассы, Алексей остановился, заметив барную стойку.

– Сто... один грамм водки в один стакан, – обратился он к официантке, стоявшей у стойки.

– Будешь что-нибудь? – спросил Алексей у Алисы. Та отрицательно мотнула головой и недоумевающе на него глазела.

– А почему именно сто один грамм? – спросила официантка Алексея, широко улыбаясь.

– А это, чтобы в грязь лицом не ударить перед дамой...

Не помню как правильно сто грамм или сто граммов, – ответил он, хмыкнув, и улыбнулся.

Официантке он видимо понравился, та приснула от смеха:

– Как скажете. Вот сто один грамм.

И подала ему водку в широком стакане для виски. Алексей залпом выпил стакан и поставил на стойку, а рядом положил купюру.

–Пойдем, – непринужденно сказал он Алисе.

В ее глазах читался теперь испуг. Алексей поймал былой кураж, он наитием почувствовал, что немного крепкого алкоголя поможет избавиться от того стресса, в который он сам себя загнал, не без участия Алисы, конечно. Он знал правила русского языка и этот экспромт, пусть и не смешной, помог ему овладеть собой. « Боевые» сто граммов тоже сделали свое дело.

«Да ты просто любопытная девчонка!.. Моя любимая девчонка!», – подумал он глядя на теперешнее беспокойство Алисы.

Они вышли из комплекса и через несколько шагов Алексей круто развернул, взяв под локоть свою пассию, и впился в ее губы жадным поцелуем. И она ответила взаимностью. В ее взгляде вновь вспыхнула нежность, та хорошо ему знакомая, та из-за которой он здесь и оказался. Все вокруг закружилось хороводами огней и звуков города. Он не мог оторваться от нее, впитывая ее аромат кожи, волос, наслажда-

ясь ее объятьями, целующими его губами, иногда на секунду замирая, а после сам осыпал ее лицо и шею горячими поцелуями. Ему хотелось съесть ее, когда он обнимал до шумного ее выдоха, пугаясь, что может сломать ей ребра. Счастье захлестнуло его девяти бальной волной. Он отдался ему со всей страстью, как будто впервые держал в своих объятьях женщину, как будто впервые видел перед собой этот мир. Его бесконечный внутренний диалог смолк. В его сознании осталась только точка, как система координат чуждая времени и пространству, понимание, что любимая с ним в этой точке, и ощущение виденья, нет не виденье, ощущение близкое к осязанию, бесконечного многообразия вселенской любви глазами Бога. Минут через десять с трудом остановившись, Алексей открыл глаза и огляделся, пытаясь впитать эти мгновения всей кожей, всем естеством. Но увидев, спешащих и измученных хлопотами дня людей, ему вдруг почти до слез стало жаль всех этих прохожих.

Алиса вдруг ни с того ни с сего выдала:

– Жаль что это уже не ты!

–То есть? – впервые с удивлением взглянул на нее Алексей.

– Ну, ты же выпил, – после недолгой паузы ответила она.

« Решила, что напился что ли?», – недоумевающе заключил он про себя.

С обожанием погладив ее щеку возле угла рта, после он тыльной стороной кисти прикоснулся к ее носу. Снял ее ру-

ки со своих плеч и мягко сжал ее ладони в своих, почти шепотом сказал ей:

– Ты замерзла вся. Пойдем куда-нибудь греться скорей.

И они пешком пошли искать уютное и немногочеловечное кафе.

Глава 6.

Алиса открыла глаза и чуть не закричала от неожиданности.

– Тсс. Там какой-то мужик с цветами к нам ломится. Я его не знаю, похоже к тебе, – приложив указательный палец к губам, испуганно прошептала, склонившаяся над ней подруга.

Гулким эхом по всей квартире раздались тяжелые удары в их входную дверь. Алиса вздрогнула.

– Пойди посмотри! – кивком головы указывая на источник шума сказала Света, с которой она снимала эту квартиру.

Алиса подскочила с кровати и на носочках подошла к двери, заглянув на несколько секунд в глазок, а после, забыв про осторожность, в испуге побежала обратно в комнату. Хлопнув за собой дверью, словно желая отгородиться от этого непрошенного гостя, она побледневшая уставилась сначала на подругу потом на свою кровать, где на отдельно застеленном белье сопел щуплый паренек лет двадцати.

– Ну что? – спросила Света, разглядывая лицо подруги. –

К тебе? – через паузу продолжила выспрашивать она.

Алиса кивнула, не сводя глаз со спящего юноши.

– С этим, что будешь делать? – поглядывая на кровать Света, безотчетно проникаясь беспокойством, перешла на сдвленный шепот.

Снова раздался грохот, обеим подругам показалось, что в дверь стучат, словно молотом, и она вот-вот сорвется с петель. Алиса в панике, хлопая везде дверями, побежала сначала в ванную, а потом на кухню. Выпив воды, Алиса взяла себя в руки и вернулась в свою комнату.

– Разбуди его и пусть он к тебе в комнату идет. Скажи, чтоб не шумел и, чтоб не дергался. Да, и пусть оденется. Набери 112, но не вызывай пока не скажу. А этот отбитый может сам уйдет, – в тоне Алисы зазвучали привычные обеим подругам командирские нотки.

Света была младше Алисы на четыре года и беспрекословно во всем ее слушалась. Пока Света возилась со спящим гостем, за порогом гость бодрствующий не унимался. Уже не обращая внимания на стук, Алиса зашла в ванную, чтобы умыться. Через пару минут она вышла в коридор открыла дверь в свою комнату, прикрыла в комнату Светы, чтобы не видеть перепуганных лиц своего одноклассника и подруги, и уселась прямо на пол возле самого порога. Не поднимаясь, она убрала в шкафчик для обуви пару черных мужских туфель и прислонилась к его стенке.

– Жесть... Ну ты реально отбитый что ли? – тихо и почти

плача сама с собой заговорила Алиса. Прямо над ее головой снова раздались удары.

– Господи, ну я все же тебе объяснила. Зачем ты приехал?– продолжила она уже шепотом.– Ну что за треш-то такой с утра пораньше?

Непрерывный стук начал раздражать ее. Алиса поняла, что открыть все-таки придется, а вызывать полицию глупо. Она решительно встала, зашла в комнату и взяла простынь, на которой ночевал ее одноклассник. Накинула ее сверху майки, в которой спала, на манер римской тоги через плечо, придерживая одной рукой у подмышки. Затем, высвободив руку, свернула второе одеяло и засунула под свое. После подошла к зеркалу и задумчиво посмотрела на свое отражение. Ей уже овладевало бешенство от этого бесконечного стука, от этих нелепых приготовлений. Она развернулась и твердыми шагами направилась в прихожую. Остановившись перед порогом, Алиса закрыла дверь до щелчка в комнату Светы, а после дважды провернула ключ во входной двери.

Ярослав, так звали одноклассника Алисы, после того как комната их закрылась, уже одетый, стал нервно выхаживать взад – вперед от окна к противоположенной стене, вплотную к которой стоял диван. На диване сидела Света, одетая в лиловый шелковый халат и с полотенцем на голове. Волнение ее слегка поулеглось, и та недовольно поглядывала на перепуганного Ярослава, в руках ее был телефон.

– Ярик, да не ерзай ты. Сядь,– прошептала Света. Но тот

не услышал ее и продолжал ходить, словно заключенный, заламывая руки за спиной.

– Я же ничего не сделал. Мы же просто шпаргалки писали. Мы с ней только друзья. Мы с ней не целовались даже никогда! – с отчаяньем, еле слышным голосом обратился он к Свете.

– Да тише ты! – зашипела на него Света, бросив взгляд полный злости.

– А кто он? Ты его знаешь? – не унимался Ярослав.

– Мужик он ее. Заткнись и сядь рядом! – уже в не себя от гнева тихо, проговаривая каждую букву, зарычала Света.

В ее голубых глазах, Ярослав, наконец, разглядел те гром и молнии, которые Света в него метала, и присел рядом с ней.

Не прошло и минуты, как к ним вошла Алиса, держа в руках большой букет красных роз. Все еще нервно улыбаясь, но с облегчением она выдохнула:

– Все. Ушел.

Несколько секунд она разглядывала две пары удивленных глаз, смотревших то на нее, то на букет, а после поманила рукою Ярослава.

– Так, сейчас обувайся, поднимись пешком вверх этажа на 2-3, только тихо. Потом спускайся и если увидишь его в подъезде, мне как выйдешь на улицу напиши. Смотри, если вдруг спросит, ты из 15 квартиры. Запомнил? – почти приказным тоном сказала она Ярославу и вынула его туфли,

прижимая цветы к груди.

Тот неуверенно кивнул и стал обуваться. Алиса достала из шкафа и подала ему куртку.

– Давай. Не бойся,– напутствовала она, с большой неохотой уходящего Ярика, который казалось еле держался на ногах.

– А как он выглядит-то? – обернувшись на самом пороге, спросил Ярик.

– Желтые штаны, синяя куртка и злой, как собака,– тихо ответила Алиса, улыбаясь и подталкивая его вперед.

Выпроводив Ярика, обе подруги сразу прошли на кухню и уселись друг напротив друга, за большим и круглым обеденным столом.

– Капец, жесьть какая! Я думала, он меня убьет!! Он реально отбитый, на всю голову при чем!!!– притворно испуганным голосом начала делиться впечатлениями Алиса.

– Пипец, я в шоке просто! А как ты его отшила, он же ломился, как ненормальный? Я так боялась, что он к нам в комнату ворвется! – с глазами навыкате спросила Света, разглядывая розы, Алиса в этот момент подрезала их снизу ножницами.

– Не поверишь, он сам меня попросил, – засмеявшись, ответила Алиса.

– В смысле?! Реально треш полный! – удивленно улыбаясь, воскликнула Света.

– В прямом. Я сказала, что не пущу, а он сказал, чтоб то-

гда я сказала ему, чтобы он уходил, – тоном полным напускного спокойствия объяснила Алиса, но под конец снова рассмееялась от неправдоподобности сказанного.

Затем она встала и достала высокую стеклянную вазу с холодильника, наполнила ее водой из-под крана и поставила на стол. С трудом втиснув в нее букет, она выдвинула вазу на центр стола. Света молча наблюдала за ней.

– Красивые, – наконец с плохо скрываемой грустью сказала Света.

Света всегда восхищалась своей подругой, ее умением владеть ситуацией, умением преподать себя, но сейчас ей стало грустно, и интерес ее угас.

« Ну что вот в ней такого. Почему к ней мужики, как мухи липнут. А у меня даже на примете никого нет, одни уроды с сайтов знакомств », – думала она, рассматривая Алису. Та повернулась к ней и, казалось, прочла ее мысли.

– А ты давно его знаешь, он откуда вообще? – не выдержав хитрого взгляды Ланской, спросила Света.

– Из Ставрополя он что ли или из Пятигорска. Мы «на море» с ним познакомились в августе, – ответила Алиса снова безучастным тоном, как будто рассказывая об очередном обыденном событии.

– Пипец! Просто, лютый пипец!!! Тут из «Ёбурга» не могут приехать! – возмутилась Света, такой несправедливости судьбы по отношению к себе, вспомнив, как просила приехать своего молодого человека из Екатеринбургa сюда в Че-

лябинск, когда ей была очень одиноко и плохо.

Алиса уловила в ее голосе зависть и задумалась. Именно этой эмоцией, как оценочной реакцией, которую в двух словах можно описать как « надо брать», она чаще всего руководствовалась в общении с подругами, – зависть скрыть почти невозможно.

Алиса сходила за телефоном и вернулась на кухню, успев по пути набрать смс. Она ждала, что, помешавшийся на ней, утренний их гость обязательно ответит, и они вместе со Светой решат его судьбу, наслаждаясь триумфом неограниченной женской власти. Но « Отбитый» молчал.

« Странно. Может не дошло сообщение?»– подумала Алиса, взглянув на алые розы и заново переживая события этого утра.

Было в этом « Отбитом» что-то такое необузданное, очень пугающее, но то, чем Алиса, как оказалось, может управлять. А может он просто позволил управлять собой и это лишь приманка для нее. Ни на какие полумеры Алиса никогда не соглашалась.

« Он или будет у моих ног, и я подумаю, что с ним делать, или пусть валит на все четыре стороны», – таким умозаключением постаралась подытожить Алиса все случившееся.

Но она, наверняка, знала, что если он окажется у ее ног, как брошенные им цветы, то шансов у него нет никаких. То есть выходило, что она хочет быть с ним ровно до того момента, пока либо она его не отправит, либо он сам не отпра-

вится восвояси, что тот похоже сейчас и собирался сделать. Но главное отбить у него желание возвращаться к ней еще раз.

«Значит, ты решил не уронить лица. Похвально, конечно. Но за мой сегодняшний стресс заплатить придется», – решила Алиса, заняв очень ненадолго выжидательную позицию в этой борьбе характеров. Хотя тут же, ей стало безумно интересно, что движет этим странным человеком и на что он вообще способен, и способен в первую очередь ради нее.

– А он ниче так, – нарушила Света ее размышления.

– Ну да, только мелкий. Я с ним рядом, как мама с сыном, – ответила ей Алиса, а после повисшей паузы постаралась как можно естественней рассмеяться, чтобы скрыть ревность. Сам факт появления этого чувства не смущал ее, но когда Алиса поняла, что ревнует к нему свою лучшую подругу, то от такого сумбура пережитых за одно утро эмоций ей стало вновь тревожно.

– Что? Вернуть хочешь? – спросила Света, как показалось Алисе, с надеждой.

– Кого?.. Его!? – Алиса успела отвернуться от Светы прежде, чем в ее взгляде пробежала злоба. И глядя вновь на красивый букет она уже с улыбкой превосходства ответила:

– Да я только щелкну пальцем, и он опять здесь будет стоять.

– Не злись. Он тебя любит, похоже, – сказала Света с искренней теплотой, давая понять, что ей видны все душевные

переживания Алисы.

Алису тронули такая забота и пронизательность, она подошла и поцеловала в темя, свою подругу, будучи выше нее почти на голову, сделала она это впервые, но очень естественно. Длинные светло-русые волосы уже успели высохнуть после мытья, и Света почти закончила их расчесывать.

– Ни на кого я не злюсь. Просто с этим ненормальным всегда так. Он сначала делает, а потом страдает и сам, и все вокруг. Я такого самонадеянного идиота еще не встречала. И никого он не любит, кроме себя, и думает, что самый умный на свете, – сказала Алиса, обнимая Свету за ее миниатюрные острые плечи.

Потом взяла у Светы из рук расческу и, как всегда залюбовавшись ее огромной копной, стала медленно, задумчиво водить ею по золотым волосам. Алиса вспоминала, как они впервые увиделись с Алексеем. На самом деле это было в июле, он сам к ней первый подошел, а ровно через 2 минуты потерял к ней всякий интерес. Потом явился через месяц и не скрывал, что просто от делать нечего, хотел бы с ней прогуляться. А еще через неделю, когда они все-таки отправились вместе гулять по набережной, он с равнодушным видом рассказывал о своих бесчисленных поклонницах, которые его «бедного» недооценили, и как она, Алиса, далека от спорта, от искусства, от всего в общем. Для Ланской было не важно, помнил ли он все это. Она лишь хотела его проучить, заставить уважать свободу и выбор каждой из его бывших и

будущих спутниц, и думала, что добилась своего. Но его сегодняшний приезд полностью переворачивал все представления не только о нем самом, но и о всех мужчинах в целом. Алиса была, мягко говоря, в замешательстве.

К двум часам дня Алиса уже успела сдать на «отлично» экзамен по истории зарубежного изобразительного искусства, не без помощи шпаргалок, которые они вместе с Яриком, писали до самого утра. Ярик все еще был сам не свой, и кое-как получил удовлетворительную оценку. Он весь день изредка посматривал на Алису, думая, что она не замечает его тоскующего взгляда. Теперь они всей группой в составе семи человек сидели в большой аудитории и ждали лекций по музеологии, но преподаватель задерживался, а мог и вообще не прийти, как в деканате сообщили – по семейным обстоятельствам. Алиса достала телефон и просмотрела входящие сообщения, непрочитанных не было.

«Каков подлец?! Это же хамство – не отвечать девушке!», – находясь в приподнятом настроении, Алиса все же закусила нижнюю губу, думая о своем отчаянном визитере.

«Неужели уехал?! Чего ради приезжать тогда было? Может он правда душевнобольной?», – задавала она себе почти риторические вопросы.

И в голове ее, в конце концов, созрела мысль, что она что-то упустила, принимая его за объект изученный и не требующий более от нее никакого внимания. Утренний накал стра-

стей и ее до сих пор не оставил в покое. Она заметила, что ее пробирает дрожь при одном воспоминании о его хищном, зверином взгляде, но одновременно с дрожью рождается и необъяснимый восторг от уверенности, что она причина всех этих эмоций уже испытанных сегодня и будущих, которыми она уже сейчас в состоянии управлять. Прекрасно зная свою выдержку, она, без ложной скромности, могла себе сказать, что в любой момент может прекратить эти ни к чему не ведущие, по ее мнению, и еще заново не начатые отношения.

Алиса решила немного простимулировать своего бунтаря, пока объект был еще в поле зрения. Она написала Алексею ни к чему необязывающую смс-ку, но все же с перспективой встречи с ним сегодня вечером, и стала ждать ответа. Спустя минуту получила ответ, который ее озадачил своей дерзостью.

«Ты еще смеешь мне условия ставить. Да пропади ты пропадом, идиот!», – возмущение Алисы было таково, что она не заметив, произнесла все это вслух и очень громко.

Она отругала себя за такую несдержанность, но в этот раз, конечно же, про себя, и почувствовала на себе взгляд Ярослава. Минуты через две ей надоело следить за ним периферическим зрением, и она резко развернулась к нему лицом и недовольно вскрикнула:

– Ну что?

Он сидел, справа, через парту от нее, и после того, как она обратила на него внимание, сразу же поднялся, и подошел

вплотную к ней.

– Пойдем, поговорим, – сказал он дрожащим от волнения голосом, и с лица его сошла краска.

– Зачем? – еще менее располагающим тоном спросила Алиса.

– Хочешь, я с тобой пойду и поговорю с ним? – совсем теряя самообладание, спросил Ярик заикаясь.

– С кем!?! – глаза Алисы округлились, она действительно не поняла о ком идет речь.

– Ну, с этим твоим злым, в желтых штанах, – в этот раз у Ярика вышло немного увереннее.

И Алиса залилась тем ужасным хохотом, который слышал хоть раз в жизни каждый мужчина, и Ярику захотелось провалиться сквозь землю. Все уставились на них с большим интересом, но так и не могли понять, о чем идет речь.

А Алиса, давась от смеха, вдруг остановилась и не своим голосом, но шутливо, ответила, глядя Ярику куда-то в область кадыка:

– Он тебя съест!

Ярик подготавливаясь гневно вскинуть на Алису глазами, опешил, услышав то, что меньше всего ожидал, и выдал на своей физиономии, что-то среднее между облегчением и унынием, а глаза вообще выражали радость. Та ноша ответственности за нее, которую он на себя взвалил и носил с самого утра, не спрашивая Алисы, была ему явно не по силам. Одногруппники так ничего и не поняли, и с разочарованием

уткнулись обратно в свои смартфоны.

« То пусто, то густо. Пряма рыцари кругом», – Алисе вернулось былое расположение духа, но схватив суть пантомимы Ярика, она посмотрела на него с разочарованием.

Тот же, миг преобразился, перестал смотреть даже в сторону Алисы и порозовел, а на лице его появилась улыбка.

« Эээх, защитничек», – посетовала Алиса снова мысленно.

После она узнала в сети интернет, когда идет ближайший поезд и до Ставрополя, и до Пятигорска. Поезд был один и тот же – Тында-Кисловодск, и по расписанию приходил в Челябинск завтра вечером.

Получив необходимую информацию, Ланская мысленно обратилась к Алексею: « Ну, посмотрим, насколько тебя хватит. До четырех, если не напишешь – буду пай-девочка».

Решив хоть немного отдохнуть, она зашла за задние парты, сдвинула в одну линию четыре стула и с минимальным, но все же комфортом расположилась на них бочком, подложив под голову свой рюкзак.

Не поворачиваясь, она громко крикнула:

– Разбудите, если что, пожалуйста!

Она почти сразу уснула. Но проснулась, где-то, через час – запиликал смартфон, на который пришло ожидаемое ей, почти с полной уверенностью, сообщение от Алексея. Прочитав его, не выходя из дремы, Алиса поставила будильник на 16:30, а на часах было 15:07. После написала короткий ответ, в котором было только время и адрес, и посмотрев сквозь

полуприкрытые длинные ресницы на свою группу, она снова уснула.

Ланская проснулась за несколько минут до будильника, полностью выспавшейся и полной сил. Принявшись поправлять макияж перед маленьким раскладным зеркальцем, она на свежую голову решила поразмыслить, что же ее так легко сегодня вывело из душевного равновесия. Дрожь восторга, куда-то, улетучилась. И первое, что пришло на ум – это страх, затем сам факт, что за ней все-таки готовы ехать на край света, и третье – это симпатия ее подруги к этому напыщенному болвану, который считает себя неотразимым или просто совершенством во всем, раз уж ему пришла в голову такая бредовая идея. Хотя идея, вроде бы и не бредовая, она достаточно замечательная девушка и заслуживает безумных поступков. И тут она поняла, не от него она ждала этих безумств. Там в Ростове живет тот человек, который разделяет все ее стремления и принимает такой, какая она есть, только с ним ей не надо играть, это его она так мечтала здесь увидеть.

Но Алиса все же признала, что лукавит себе, что и этот ей приятен – ненормальный, вернее больше его поступок. Она вообще вдруг засомневалась, что кто-то еще способен на такое, и ей это все не приснилось. Но непредсказуемость и необузданность – этого больше всего она боялась в людях, ведь это то, что противоречит контролю. Может, если снизить эмоциональность, тогда возможен контроль и самокон-

троль, решив, что додумает по пути, Ланская посмотрела на время и выйдя из аудитории стала спускаться по длинным пролетам лестниц на встречу с Алексеем.

Она стояла на порожках и пристально изучала проходящих мимо молодых людей, на часах над главным входом института было уже 16:59, а его нигде было видно. Алиса решила набросать для себя хоть какой-то психологи-ческий портрет Алексея, ведь о нем она почти ничего не знала, а то, что узнала сегодня вообще с трудом вписывалось в ее понимание самой сути человеческих отношений.

Они были знакомы меньше двух месяцев. Она знала, что он взбалмошный, грубый, часто нахальный и, наконец, просто запредельно высокого мнения о себе, ну или так ей виделось. И приходилось признать, что еще он решительный, но что с этим всем делать, было для Алисы совершенно непонятно. Неожиданно он вышел из такси, которое стояла метрах в пятидесяти от Алисы, и та отметила, что вновь ощутила волну дрожи, а еще, что эта машина стояла еще до того как она вышла на ступеньки.

В руках Алексея было пусто и он, широко размахивая ими, уверенно приближался к Алисе, явно внимательно рассматривая ее. Она тоже вначале смотрела с любопытством, но потом, одернув себя, просто стала смотреть перед собой, развернув лицо в его сторону, зная, что, как только он подойдет ближе, ему покажется, что она все время смотрела на него с подчеркнuto холодным выражением лица. Наконец,

Романов оказался перед Алисой .

«Ну что же ты такой маленький, мм? Свете бы ты точно подошел», – подумала Ланская, посмотрев на подошедшего к ней Алексея, который, если она «оденет каблуки» будет ростом ей ровно по плечо.

Ей не понравилась его самодовольная, как ей показалась, улыбка, она предпочла бы сейчас тот злостью горевший взгляд, что видела утром. Они скомкано поздоровались и после недолгих пикировок, на его лице появилось понурое, и давно привычное большинству поклонников Алисы, выражение. Уверенность его тоже таяла.

«Ну вот, так-то лучше», – она посмотрела на него с улыбкой и, выбрав ему удобную для себя дистанцию между ними, неспешно повела за собой.

«Так, первые люли-писюли и домой, на паровоз, в гостиницу или куда там еще. Решено и обжалованию не подлежит», – сказала она себе мысленно.

Это значило, что прогулка их продлится до первой мольбы о поцелуе, встрече или до иного сентиментального проявления чувств, простительного только девочкам. Такая реакция родилась в ответ на неуверенную попытку Алексея поцеловать ее. Хотя, не дожидаясь этой попытки, она с большим азартом принялась раздвигать его, то есть всячески лишать равновесия. Алиса выбивала у него почву из-под ног разнообразными своими несовместимыми, на первый

взгляд, эмоциями и тщательным контролем над мотивацией к ее особе. Она была уверена, что не пройдет и часа, как Алексей запросит пощады и все будет кончено.

Они снова продолжили прогулку, и Алиса переключила все свое внимание на его мимику, почти не обращая внимания на смысловую нагрузку их диалогов. Последовала вторая попытка с ней сблизиться, она отметила, что более умелая и не такая обреченная. Спустя более получаса она решила все-таки дать ему немного прийти в себя и оставить хотя бы один шанс, чтобы он для себя смог разобраться, что здесь делает. Она стала делиться своими познаниями об истории своей малой родины, которых было достаточно на хорошую многочасовую экскурсию, но, не прекращая взвинчивать Алексея своими то томными, то холодными к нему взглядами.

«Как просто, но какой поразительный эффект – эта растерянность в мужских глазах, эти произвольные басящие вздохи, которые так забавляют!», – ей нравилось наблюдать, как он непрестанно смотрит на нее и ловит каждый ее взгляд.

«А ведь утром, какой был грозный, прямо волком смотрел!»

Потом она решила, что чем черт не шутит, и повела его к «своей» лакмусовой бумажке.

Фотовыставка членов союза фотохудожников Челябинска располагалась в центре на открытой площадке в начале улицы Кирова. Заметив, что он крайне рассеян, даже подвела и показала пальчиком на свою работу, но как и большинство

тех, кого она считала обремененными интеллектом, Алексей устоял на эту чертову «бабку» рядом с ее «лошадками», на «лошадок» даже не взглянув. Ей вдруг стало обидно до слез, и она еле сдержалась. Это все же не помешало отпустить ей колкость в адрес Алексея, рядом какой – то забулдыга с гитарой затянул про расставание, и Алиса с издевкой передавала ему весь смысл их прогулки, озвучив суть песни, мол тебе пора . Но реакция Алексея удивила ее, он не без остроумия отшутился, и почему-то Алисе стало невероятно весело. Однако, заметив, как это удручающе подействовало на него, но как из последних сил тот пытался с собой справиться, Алиса решила прекратить избиение, тем более давно уже шел второй час прогулки. А ведь больше часа не выдержал еще никто, кроме него.

Тут она испытала какое-то странное чувство чужой тоски и одиночества, оно ей передалось от Алексея. Она и раньше видела это в глазах своих не в меру надоедливых кавалеров, но принимала лишь сам факт, оставаясь безучастной к их просьбам и мольбам. На этом самом месте Алиса поняла, что если он сейчас попросит быть с ним, то она почти точно дрогнет.

« Что за чушь? С кем быть? С ним?», – спрашивая себя, она переполошилась не на шутку.

Заглядывая в его глаза, она разглядела боль, которой всегда так чуралась. Они стояли на набережной и он предложил идти на колесо обозрения . Вдруг боль в его глазах исчезла,

и он страстно посмотрел на нее, начав какой-то непринужденный разговор совсем не о высоких материях. Алиса с облегчением сама теперь перевела дух, и с радостью поддержала. Внезапно Алисе захотелось рассказать, как ей тоже одиноко, как она устала от лжи, но разговор шел об экологии, промышленности, ГОКах, хоккее, временах года.

Она и не заметила, как они оказались на колесе обозрения, как канул навсегда этот день, и как понимание того, что он все-таки не попросит ее ни о чем, тихой грустью разлилось, перемешиваясь с вечерними красками ее любимого города. Она восхищалась видом, открывающимся с высоты, кажется, каждой клеткой своего существа, а то щемящее чувство, взятое взаймы у Алексея, предавало этому всему великолепию шедевра.

Глава 7.

Прямо за знаком «Стоянка запрещена», возле парковки напротив государственной думы Челябинской области, стоял наглухо тонированный огромный серый внедорожник. Внутри на передних сидениях два стероидных амбала в деловых костюмах, изредка переговариваясь, наблюдали за кем-то в большие армейские бинокли.

При каждом движении их непропорционально большие мышцы обнажали швы на костюмах, так, что, казалось, они вот-вот разойдутся. Шить на заказ им видимо не хватало ни

вкуса, ни желания. У обоих во рту была по жвачке, которые каждый из них с остервенением месил своими тяжелыми челюстями. Тот, что сидел за рулем, поднял вверх указательный палец, а затем повел им вдоль верхнего края лобового стекла и замер, оба продолжали смотреть в бинокли.

– Объект в зоне прямого визуального контакта, – по рации сообщил тот, что сидел на пассажирском сиденье.

– Их двое? – спросил мужской хриплый бас в рации.

– Да, разговаривают идут, – снова ответил пассажир.

– Ничего странного не заметили? – раздалось после треска из рации.

– Нет, все как обычно, – передал громила и положил бинокль на панель, глядя на своего товарища за рулем, который чему-то улыбался.

– Все отбой. Пробили залетного. Снимайте «наружку», – скомандовали им.

– Принял. Отбой. 1-ая группа быстрого реагирования наблюдение прекратила, – отрапортовал все тот же рядом с водителем и положил рацию рядом с биноклем.

– Чё ты ржешь? – спросил он у того, что за рулем.

– Ты мне «пятеру» проспорил. Смотри вон они к лошадям ее пошли, – ответил тот.

– Ну, это еще не известно. Давай заводи, поехали на базу, – недовольно пробубнил он в ответ, поглядывая туда, куда смотрел его товарищ.

– Все там известно. По геотрекерам посмотрим завтра, –

ухмыляясь, сказал водитель и завел двигатель.

Через секунду, свистнув резиной шинных протекторов, серый внедорожник вклинился в общий поток, подрезав при этом две «маршрутки», и скрылся из виду.

Глава 8.

Алексей, проходя по безлюдному и длинному коридору развлекательного комплекса, окончательно созрел в своем намерении еще раз поехать к ней и, если придется, то умолять, ползать в ее ногах, неважно, лишь бы она выслушала его. Он должен ей сказать, что готов ждать столько, сколько потребуется, чтобы вернуть ее и сделать счастливой.

Уже сидя в такси снова вспомнилось колесо обозрения, тот октябрьский вечер, и Алексея вновь охватило жуткое волнение. Подъехав к ее дому, он опомнился, что не купил цветы и, отпустив машину, решил пройтись в цветочный магазин и собраться с мыслями. Обходя знакомую серую многоэтажку, он поднял вверх голову и нашел заветное окно, в котором горел свет. Снег усилился и крупными хлопьями сыпал, видимый только вдалеке под светом уличных фонарей, которые стояли, как часовые, вдоль длинной набережной. Он поспешил за цветами, задумав, наконец, претворить в жизнь бесшабашную мысль о том, чтобы влезть к Алисе в окно.

Через 15 минут он уже стоял под окном с букетом роз и

внимательно изучал маршрут, который вел его до окна четвертого этажа. Снег и мороз сильно мешали его отчаянному плану, потому что в одном месте, в стыке между стенкой и полом балкона, ему нужно будет перехватиться, держась за абсолютно плоскую поверхность с небольшим выступом, и если в этом стыке будет лед, то он неизбежно упадет. Он в нерешительности переминался с ноги на ногу, им овладело предчувствие бесполезности этой затеи.

«Она может просто молча показать на дверь и не произнести ни слова», – подумал Алексей, представляя столь долгожданную для него и ничего не значащую для нее встречу.

Но сообразив, что если последняя решительность покинет его, то он и через дверь побоится к ней войти, и начал свое «восхождение». Добраться до четвертого этажа не составляло никакого труда и через минуту, сжав в зубах букет, он по водосточной трубе добрался почти до угла ее балкона. С секунду помешкав, он, прижимая к стене, перехватил зубами букет поближе к середине. После вставил пальцы левой ладони в щель и с облегчением ощутил холодный и сухой бетон, перенеся весь центр тяжести тела на левую руку. Путь был открыт, и ему не придется прыгать вниз и ломать себе ноги. Взявшись правой рукой под изгиб на отливе подоконника, Алексей подтянул колени к животу, ботинками упираясь горизонтальную часть декоративного бетонного узора на стенке балкона. Затем он поставил левую ногу в нишу рядом с левой рукой, и смог перехватиться за железную

трубу, на которой была проволока для сушки белья. Таким образом, он преодолел самую сложную часть пути, обойдя угол застекленного балкона. Дальше по сантиметровой бровке выступающей плиты, опираясь на проволоку и держась за отлив, он быстро добрался до раздвижных створок окна. Достав из кармана, еще в магазин приготовленный, тоненький нож-карту, провел им между створок и без труда отодвинул одну из них. Перемахнув через подоконник, Алексей, весь дрожа от волнения и холода, стараясь не издать ни звука, приник к занавешенному окну. После положил букет на пол, чтобы тот не шуршал и раньше времени не выдал его. Его руки окоченели и он дул на них складывая обе ковшиком.

Изучая знакомую обстановку, он вдруг увидел то, что его чуть не лишило сознания. Там где раньше стояло трюмо, теперь стояла детская кроватка, в которой мирно спал щекастый карапуз. Алексея как будто окатило ледяной водой. Он не понимал, как и когда Алиса могла успеть забеременеть и родить ребенка. Вдруг в комнату вошла рыжеволосая женщина лет сорока в ярком желто-красном халате и подошла к кроватке, убедившись же, что ребенок спит, она вышла.

Алексей знал, что она не могла его разглядеть, и поэтому даже не шелохнулся, когда та вошла снова. Теперь он стоял как вкопанный и долго-долго силился понять, как же это Алиса пустила к себе женщину с ребенком, и куда делись фотографии со стены и гирлянды, где же его подарок – огромный плюшевый медведь. И наконец, понял. Алиса

здесь больше не живет, и вряд ли ему удастся ее когда-нибудь найти, если та сама не захочет. После пришло понимание, что оттуда ему надо выбираться.

Сделав ставку на неожиданность, в случае своего обнаружения, он заклинал провидение, чтобы ключи оказались во входной двери. Дождавшись, когда женщина снова выйдет из комнаты, он подошел к двери смежной комнаты, где раньше, а может и сейчас, жила Света, и, зная, что она до конца не закрывается, потому что не раз чинил ее, надавил на нее все весом и та распахнулась. Подняв букет, он уверенно проследовал почти до входной двери, остановился и прислушался. В ванной шумел душ и он надеялся, что в квартире, кроме этой женщины и ребенка никого нет. Он вышел из комнаты в коридор и, увидев ключи в замочной скважине, за доли секунды открыл дверь, и вылетел вон, словно выпущенный катапультой.

Через несколько секунд, Алексей уже стоял на улице и переводя дыхание, глупо озирался вокруг. Теперь его мало заботило то, чего он сейчас избежал. Мысль, вернее предчувствие, что он потерял Алису навсегда не находила выхода и безостановочно металась по кругу в помутившемся сознании Алексея. Он пытался вспомнить когда приходил к ней в последний раз и не мог.

Ему хотелось завывать во всю глотку и уткнуться лицом в сугроб. Неосознанно мотая головой, он пытался отряхнуться от этого тревожного чувства, как от снега, который теперь

сеял, словно из дырявого мешка с мукой. Выронив себе под ноги букет, и не переставая шевелить губами, он побрел, не разбирая дороги.

Алексей очнулся, когда настолько замерз, что даже при ходьбе его ноги ощущались какими-то деревянными культиями. Остановившись, он негнуцимися пальцами кое-как открыл на пуховике внутренний карман и достал бумажник. Посмотрев, навскидку, что денег хватит и на ужин в кафе, и на такси, он отправился в какую-то забегаловку в паре километров от него, которая призывно светила яркой неоновой вывеской. Ему никак не удавалось согреться, и он просидел в кафе до самого закрытия, переваривая неутешительный итог своего фатально запоздалого визита.

Все же трезвый смысл возобладал, и Алексей решил, что еще не все потеряно, взяв в расчет ее сообщения, которых насчитал больше 30-ти за этот месяц. Но его не покидало ощущение, что он в каком-то бесконечном кошмарном сне. Со всем этим хаосом нахлынувших чувств, воспоминаний, безуспешных попыток их проанализировать, язвительных сообщений похожих одно на другое, явно было что-то не так. Он не находил ответа, но чувствовал, что он видит лишь вершину айсберга. Какая-то мысль или воспоминание постоянно ускользали от него, доводя до иступления.

Молодой официант уже минут 15 недовольно посматривал на Алексея, кафе опустело еще два часа назад, а он, так и не притронувшись к пасте, все сидел, рассеяно скручивая

и раскручивая уголок большой тканевой салфетки.

– Молодой человек, мы закрываемся! – не выдержал, наконец, официант и подошел к столику Алексея, держа в руках кожаную обложку с его счетом.

– А ... Да-да, сейчас, – ответил Алексей и наклонился за портмоне к пуховику, развешенному рядом на стуле. – А какой здесь адрес, подскажите?– спросил он официанта, рассматривая счет, который уже лежал на столе, и отсчитывая требуемую сумму.

– Проспект Ленина 123, – ответил официант и, забрав оплату, вышел из зала.

Алексей взял со стола телефон и набрал номер такси.

– Здравствуйте! Откуда вас забрать? – уставшим голосом спросила девушка-диспетчер.

– Ленина 123,– ответил Алексей.

– Куда поедете? – медленно и как-то уныло проговорила девушка.

Алексей открыл рот и так и застыл, не проронив ни слова. Его снова прошиб холодный пот. Он не помнил своего нового адреса. Все вокруг Алексея закрутилось волчком, издавая при этом характерный звук той самой забавной детской игрушки. В глазах потемнело, и он угасающим сознанием слышал лишь этот мерзкий жужжащий звук. Каким-то чудом он смог переселить себя и, открыв глаза, наблюдал, как окружающие предметы постепенно прекратили свою бешеную пляску.

«Господи! Как же это? Что происходит? Что со мной? Я болен?», – все еще паникуя, вопрошал неизвестно к кому Алексей.

И он наитием понял, что главное сейчас не поддаваться страшной и безжалостной тоске, которая неизбежно придет на смену панике. Он чувствовал, что это убьет его физически, если не сразу, то очень и очень быстро. И как будто воспоминанием из прошлой жизни пришла мысль пошарить все-таки по карманам. Судорожно роясь в своей одежде и выкладывая все, что в ней было на стол, Алексей заметил в обложке паспорта какую-то бумажку, выглядывавшую из него заломленным краем. Он нерешительно вынул ее и развернул, на ней был написан адрес: г. Челябинск, ул. Дружбы, д.35, кв. 19.

На сердце у него отлегло, но облегчением назвать это было сложно. Это был его подчerk, но он хоть убей, не помнил, когда это писал. Он поискал ключи и нащупав их выложил к общей кучке вещей на столе. На ключах вместо брелока была красная пластмассовая бирка, внутри которой на белом квадратике, тоже был его рукой написан адрес, тот же, что и на бумажке.

Немного успокоившись, Алексей вызвал такси и уже через пять минут отправился к себе на квартиру, которую так и не смог вспомнить. Вернее не так, он конечно помнил, что в ней находился, но как и когда там оказался, сколько не старался ответить не мог. Он больше с удивлением, чем со страхом

обнаружил, что больше трех месяцев его жизни просто стерты из памяти. Спрашивая себя как такое возможно, пришел к выводу, что он просто никогда раньше не пил запоями и все это последствия бурно развивающегося алкоголизма. Но все же решил как можно точнее восстановить хронологию событий, как только окажется в своем съемном жилье.

Поднявшись к себе тоже на четвертый этаж, и снова насторожившись от того, что дверь оказалась не заперта, Алексей вошел в квартиру не включая свет. Сделав два шага, он, чертыхаясь, растянулся на полу с ужасным грохотом, запнувшись о пакет с мусором, который уже сам покрылся пылью. Вспомнив, что просто забыл запереть квартиру, Алексей поднялся и включил свет, обнажив всю неприглядность своего жилища.

Он решил хоть немного прибраться и вынести для начала мусор. За три спуска он выкинул весь в мусорный бак на улице, и вспомнил, что закинул в стиральную машинку перед уходом вещи. Зашел в ванную и достал постиранное для того, чтобы развесить на балконе. Он бросил вещи на кушетку в комнате и взял, что первое попало под руку, это были синие потертые джинсы. В одном из карманов он нащупал то ли платок, то ли какую-то скомканную бумажку и засунув туда руку немного удивленно вынул оттуда деньги. Пересчитав влажные бумажки, он насчитал «11к» с мелочью и решил пересмотреть все вещи, и не только постиранные. К своему радостному изумлению он почти в каждой, имеющей

карманы, находил несколько купюр. Еще раз, пересчитывая все найденное, Алексей с удовольствием озвучил последнюю цифру уже вслух:

– Сто одна тысяча шестьсот пятьдесят рублей.

Вопросов было снова больше чем ответов, вернее, ответа, откуда деньги не было вовсе.

Тогда он решил проверить баланс карты, а заодно историю операций с ней. Карту он приобрел давно, пару лет назад выкупив ее в Геленджике у знакомого алкоголика. Купил он ее вместе с договором, привязав к его же номеру, приобретя все одновременно, то есть, насколько можно, обезопасив конфиденциальность и легальность этой банковской карты. Алексей с облегчением отметил, что логин и пароль он помнит наизусть, вводя его в соответствующие поля личного кабинета на своем смартфоне. Он несколько секунд ждал загрузки программы, затем, когда она открылась, взглянул на баланс и вышел из программы. Секунд через десять он повторил всю операцию и, глядя на дисплей, расплылся идиотской улыбкой. Баланс карты составлял 9 999 005 р. Из его груди непроизвольно вырвался победоносный клич и он, вскинув руки над головой, запрыгал в каком-то диком, почти ритуальном танце.

После он еще несколько раз перепроверил баланс, ошибки не было, с имевшейся наличностью, он, как по взмаху волшебной палочки, стал обладателем 10 000 000 рублей с «гаком».

История операций с этой картой сейчас волновала Алексея меньше всего. Ему нужна была сейчас только одна операция – снятие наличности. Он знал, во что бы то ни стало, деньги нужно снять. А потом сколько угодно можно разбираться, откуда они. Ведь теперь появилась не надежда, нет, уверенность – он обязательно найдет ее, хоть на луне, из-под земли достанет свою ненаглядную Алису. Ему теперь есть куда ее привести. Можно купить квартиру в Челябинске или в Геленджике, или и здесь и там. А еще они могут отправиться, обязательно отправятся, в ее любимые Лондон и Барселону вместе.

События прошедшего вечера больше не пугали, а забавляли Алексея. Он даже успел пофилософствовать о том, как слаб человек, и как сильны в этом мире деньги. Ведь еще два часа назад он сидел за столиком кафе абсолютно раздавленный, не зная, как и чем жить дальше. Все изменилось раз и навсегда, он найдет ее и это лишь вопрос времени, нужно только скорее снять деньги. И он молодым спаниелем закружился по квартире из комнаты на кухню и обратно, продумывая план дальнейших действий.

Для начала нужно было найти саму карту, в бумажнике ее не оказалось. На ее поиски ушло не меньше 15 минут, и Алексей уже было, снова лишился надежды. Проклиная судьбу за такую изощренную пытку, он копался в вещах, несколько раз передвигал мебель и уже собрался идти на улицу, чтобы проверить пакеты с мусором, который он так

опрометчиво выбросил. Но нашел ее в своем сером рюкзаке, который досконально осматривал уже в третий раз, карта лежала в потайном кармане за длинной прямоугольной планкой, предназначенной для удобства носки. Там же было несколько конвертов с сим-картами разных операторов, мельком взглянув, Алексей положил их обратно. Нервно выдохнув, он закурил и отправился на кухню.

Глотнув из стеклянной кружки холодного недопитого утром чая, он взял с кухонного стола ключи от машины, накинул легкую спортивную куртку и не гася в квартире свет отправился за деньгами, на этот раз заперев за собой дверь и дважды вернувшись, чтобы это проверить.

Глава 9.

Дорога разматывалась бесконечной серой лентой в лобовом стекле старенькой «двенашки», на резиновом коврике перед пассажирским сиденьем валялись пустые пачки из-под сигарет, алюминиевые банки и пластиковые бутылки из-под колы, бумажные стаканы из-под кофе. Алексей ехал уже вторые сутки без сна и за это время, судя по навигатору, он преодолел 1500 км. Пепельница давно переполнилась, ошестинившись, рыжей вонючей горкой непомогающих в нее окурков, и бросалась в глаза. Из динамиков на всю мощность гремел ритмичный дабстеп.

Он снова ехал к ней. И в этот раз без особой надежды на

успех. Но с самого начала пути им овладела жажда приключений и новизны, и это гнало его вперед.

Всю прошедшую ночь, почти сразу за Волгоградом, видимо, как только ночное небо рассеялось от туч, он наблюдал звездопад. Каждый раз, видя след сгорающего метеора, он иногда вслух, но чаще про себя повторял: « Пусть все у нас с ней сложится». Это была хорошая примета, а само зрелище убивало, в самом зачатке, дурные мысли о тщетности путешествия. И Алексей представлял Алису сидящей рядом, мчавшейся с ним под этим звездным дождем куда-то далеко и без какой-либо цели.

За все время пути не вынужденно он остановился лишь однажды, перед самым рассветом миновав Саратов, он увидел «волжское море», которое поразило его своим величавым спокойствием и размахом. Остановившись на обочине, Алексей с полчаса глядел на стальные волны и зарумянившийся восток с торжественно выплывающим прямо из воды солнцем. Он представлял себе, как много веков назад в один из таких же восходов на легких деревянных ладьях с резными навершиями на носках, в виде древних богов-покровителей, его далекие предки, рассекая бесконечный речной простор, возвращались из далекого похода. Возвращались к своим семьям, к родным берегам, где их ждали и помнили. И наверняка, над рекой раздавался негромкий, но слышный далеко вниз по течению, мотив русской песни. Алексей вышел из машины и во всю силу луженой глотки затянул свою:

« Небо синее, степь бескрайняя,
Луги дивные, реки полные.
Здесь ветрам, да нам препросторно жить-
Не бывать врагам, казакам тут быть.
Мать родна земля черноземие,
Ой, ли нам страдать от безделия?
Здесь ветрам, да нам препросторно жить-
Не бывать врагам, казакам тут быть.
Здесь гостям почет, уважение,
Хлеб, да соль вперед – вслед веселие.
Здесь ветрам, да нам препросторно жить-
Не бывать врагам, Русичам тут быть».

Еще долго после чему-то улыбаясь, он воодушевленный
увиденным, ехал неутомимый и радостный.

Но сейчас после 25 часов пути, Алексей почувствовал, как
на него наваливается усталость. На это указывали не только
воспаленные от напряжения и встречных фар глаза, но и за-
метно ухудшившееся настроение.

После последней их встречи в Челябинске прошел ровно
месяц. И за этот месяц он для Алисы из ее жениха, офици-
ально представленного даже родителям, снова превратился
в назойливого поклонника. Смысл всей этой поездки опять
сводился к одной простой встрече, к одному разговору. Но
ему нужно было услышать все, что она ему написала, глядя
ей в глаза. Он чувствовал спинным мозгом, что все сказан-
ное ей неправда, точнее, далеко не все, правда. И он считал,

что заслуживает объяснений такому ветреному поведению от Алисы лично.

И по тому, ничтоже сумняшися, он собрал весь свой скарб – теплые вещи и необходимое торговое оборудование с товаром, и отправился из Ставрополя в Челябинск. Даже, если он не получит никаких объяснений от Алисы и все между ними будет кончено, он рассчитывал какое-то время пробыть на Южном Урале поработав на выставках, которые в большом количестве открывались перед Новым Годом в Екатеринбурге, Уфе и Челябинске. Так что это его поездка не выглядела такой сумасбродной, как прошлая, когда он отправился к ней на поезде, по крайней мере, не выглядела таковой в глазах Алексея.

Он зарабатывал себе на жизнь тем, что давал платные мастер-классы по лепке на своем маленьком переносном гончарном круге, а еще торговал игрушками ручной работы, тоже предназначенными для лепки, которые делал сам. То есть работа его была, в основном, в общении с детьми и их мамами. Хотя деток, признаться, он недолюбливал, в силу современной и повальной тенденции воспитания вседозволенности, но случались и исключения, приносившие, если не радость, то что-то вроде мысли о том, что он не даром ест свой хлеб.

Бизнесом это было трудно назвать, но иногда случалась неплохо подзаработать, в общем, если бы у Алексея хватало желаний и настойчивости расширяться и развиваться, то

безбедное существование было бы ему гарантировано. Однако и нынешнее положение его дел позволяло ему спокойно путешествовать из одной части страны в другую уже второй раз за полтора месяца.

В его первый приезд в октябре, действительно, не имело значения, как и сколько он зарабатывает, но в этот раз, справедливо полагая, необходимо будет из кожи вон вылезти, чтобы доказать, что он в состоянии прокормить и ее, и их будущую семью. Ведь именно в этом, как считал Алексей, и есть основная причина их размолвки, в том, что Алиса не считает серьезными ни его намерения, ни его образ жизни. Она ему бросила вызов и нужно во что бы то ни стало доказать что он мужчина, мужчина достойный ее руки. И этот вызов Алексей принял вроде бы даже с радостью, но где-то внутри поселилось сомнение, что не слишком ли Алиса перегибает, ведь они разговаривали на эту тему. Он разве что на иконах не поклялся сделать все, что в его силах, чтобы сделать ее счастливой.

Получается, что не верит она ни одному его слову. С другой стороны, если он вот так просто отступится, значит и все его обещания лишь слова. Но зачем же опять эта пауза в отношениях, он же и в мыслях ничего не сделал, чтобы доказать обратное? Зачем мучить его своим молчанием, ведь хотя бы написать что-нибудь теплое в ответ можно, не говоря уже о том, чтобы просто поговорить по телефону? Зачем снова эти странные просьбы не приезжать и оставить ее в по-

кое? На эти вопросы, сколько ни старался Алексей, ответить не получалось. А в тот ответ, элементарный и самый уместный, что она просто не хочет или не может принять его руку и сердце, он, увы, поверить не мог, это было выше его сил.

« Ой-ой-ой-ой-ой-ой!!!»– наигранно запричитал Алексей, заметив, что не успевает обогнать фуру, и одновременно мигая дальним светом встречной машине, он выжал сцепление и включил третью передачу, утопив педаль газа в пол. Выскочив у «встречки» перед самым носом он крикнул вслед:

– Сам дебил.

Он заметил, как усатый мужик в шапке, сидевший за рулем, разъезжаясь крутил ему у виска, вместо того чтобы до этого сбавить скорость или хотя бы взять правее.

Пошарив левой рукой в пластиковом кармане на двери, не отрывая глаз от дороги и не сбавляя скорости, он достал глазные капли. Переложив тюбик с каплями в правую руку, он поочередно вставил его носик в уголки глаз, а после, моргая, с интересом стал поглядывать направо. Справа от трассы открывался вид на огромную долину с глубокими впадинами и высокими холмами. А в ней бардовые краски опадающих листьев, бурая, местами выгоревшая до белесо-желтого цвета, а местами даже зеленая, трава, коричневые стволы деревьев, кустарника и валуны, разбросанные стихией в незапамятные времена, упирались в слегка изогнутую бесконечную, насколько хватало глаз, четкую линию. За ее границей

все было инистым и кипельно-белым. То ли сказочный, то ли зловещий густой туман, начинавшийся прямо за чертой, скрывал перспективу и предавал таинственности этой завораживающей картине.

Небо давно, от самой Самары, скрывали серые тучи, но переход из осени в зиму был настолько красочным и контрастным, что казался нарисованным на детском рисунке. Алексей видел, что через несколько километров он тоже упрется в этот рубеж и попадет в «царство» своей снежной королевы, как он уже успел мысленно пошутить, и представил Алису в ледяной короне и в искрящемся бело-синем одеянии.

– Ну, что, уралочка моя? Я скоро!– произнес он, хитро улыбаясь.

Он давно проехал Жигулевск и Тольятти, и уже около часа ехал по Башкортостану. Взглянув на навигатор, он решил, что и оставшиеся почти десять часов пути он преодолет без сна, поглядывая затем на тахометр, прибавил обороты двигателя. Но долго мчаться, что называется, с ветерком у Алексея не вышло. Проехав еще с пятьдесят километров, он попал в пробку, перед самой развилкой на Уфу и Челябинск.

Он стоял без движения уже час, и не став исключением, потянулся к телефону. Его электронный помощник «Александр», как его потом назвала Алиса, подсказывал, что до точки назначения осталось семь с половиной часов.

Алексей памятуя, что сюрприз с его первым неожидан-

ным появлением вышел так себе, послал смс Алисе о скором своем прибытии: « Привет, я через 10 часов буду в Челябинске. Выдели мне пару минут и поговори со мной». Ответа пришлось ждать минут двадцать, за это время он не двинулся с места.

« Хорошо, но за мной будут следить. Из окна», – написала Алиса.

Он тут же вспомнил, что до этого она писала о принятии каких-то мер, если Алексей ей будет досаждать. Он решил, что речь идет о неизвестном сопернике, имевшем на Алису больше прав, чем он. Настроение было вконец испорчено. Отстегнув ремень безопасности, он развернулся к задним сиденьем и извлек из-под кучи вещей свой бездонный рюкзак, и положил себе на колени. Он отыскал в нем свой большой охотничий нож, в добротных ножнах из бычьей кожи, и положил его у креплений снизу своего кресла, накрыв его резиновым ковриком, и бросил со злостью рюкзак на пассажирское кресло.

– Посмотрим, что там у тебя за суровые челябинские...хлопчики, – с металлом в голосе произнес Алексей, сжимая кулаки.

Убивать он никого не собирался, но в случае превосходящего числа противников, готов был пустить в ход оружие.

Он и до этого момента несколько раз за время пути вспоминал, как восемь лет назад продал свою белую «imprega wtx», с которой не расстался бы не за какие деньги, если бы

не обстоятельства действительно непреодолимой силы. Не любил он ворошить в памяти те времена, когда каким-то чудом остался на свободе и сумел выйти из круга тех «близких», что могли заставить его лет двадцать размышлять о том «как жить и не работать», говоря проще, находится в местах заключения. Но сейчас ему вновь захотелось выглядеть тем безголовым юнцом в глазах Алисы, зная не на словах, что именно от таких плохих парней девушки без ума. Понимая всю глупость такого сиюминутного порыва, он сразу отбросил эту мысль, припоминая судьбы тех, кому повезло не так как ему – они или давно были мертвы или отбывали свои сроки.

Алексей все же до сих пор считал, что у мужчины может быть только три украшения: часы, автомобиль и его женщина. И ему с отсутствием одного из украшений приходилось мириться, а именно его «тазик», как он ласково называл свой ваз 2112, под статью украшение никак не подпадал, хотя и никогда не подводил его. Рассуждая уже спокойно, на встрече с Алисой и, вероятнее всего, ее молодым человеком, нож он решил не брать.

Через пять часов Алексей не продвинулся вперед и на пять километров. За это время, он уже несколько раз успел выругаться по поводу дорог, водителей, ремонтников и всей ситуации в целом, используя исключительно нецензурную лексику, которой владел в совершенстве. Вспоминая водительскую примету, строго на строго запрещающую зарекать-

ся о времени пути, отругал он и себя за опрометчивое утверждение, что будет у Алисы через 10 часов. Он уже хотел было остановиться на обочине для того, чтобы поспать или переждать, пока этот бесконечное автостолпотворение не исчезнет само собой. Но загуглив пробку в тысячный раз увидел, что тот участок на карте, где он сейчас находился, из красного стал желтым. Он, наконец, приблизился к краю затора.

Неожиданно объявилась Алиса, прислав сообщение: «А где ты сейчас?».

«Перед поворотом на м-5, на Челябинск, почти перед Уфой. В пробке», – ответил Алексей.

«Ааа, так тебе еще всю ночь ехать. В час я завтра свободна. Ровно две минуты», – резюмировала Алиса.

Алексей опять посмотрел на навигатор и задумался: «Осталось четыреста верст, с чего это я всю ночь ехать буду, издевается что ли?»

Взглянув на свои «эдифайсы», он никак не мог представить, что Алиса была права. Сейчас было 18:30 по Москве и не так давно стемнело. По его расчетам он будет в Челябинске, ну, максимум в третьем часу, даже если еще пару часов простоит в пробке, но потом вспомнил про разницу во времени и отвечать ничего не стал.

Списывая на усталость, он попытался отогнать зарождавшееся беспокойное чувство, которое в тех кругах, которые он с невероятными усилиями покинул навсегда, как он считал, называлось «чуйкой». Перед глазами возникло лицо ма-

тери, ее горящий гневом взгляд, именно этот образ, возникающий в голове до начала каких-то важных событий, несколько раз спасал его жизнь и свободу.

«Разворачивайся. Всё. Домой. Там нечего ловить»— настойчиво требовал внутренний голос.

Но Алексей был подперт машинами со всех сторон и двигался до сих пор с большими остановками. Поворачивая голову изредка налево, он проехал уже несколько мест для удобного разворота и, стиснув зубы, с какой-то невероятной гримасой продолжал свой путь.

Глава 10.

Ланская только что вернулась с тренировки, и, раздеваясь в своей прихожей, увидела сапоги Светы.

— Свет, я дома, — громко сказала Алиса. Света не отвечала. Послышался скрип стула в кухне, Ланская, вешая на ходу свою куртку, поспешила на этот звук.

Света сидела на стуле, поджав ноги под себя и обнимая руками колени, на ней была длинная белая майка, которую она натянула почти до пальцев ног. Из майки выглядывали только ступни, руки и голова, с заплаканным лицом и растекшейся на нем тушью.

— Моя маленькая, кто тебя обидел? — переполненным сочувствия голосом спросила Алиса, обнимая свою подругу и прижимая ее голову к своей груди.

Света попыталась высвободиться, но находясь в столь неудобной позе, у нее получилось только замотать головой.

– Никто! – искривившимися и дрожащими губами Света озвучила что-то больше похожее мяуканье, чем на нормальную человеческую речь.

Через секунду из ее глаз брызнули слезы, и она зашла в рыданиях, содрогаясь всем телом при очередном всхлипе. Алиса крепко, обоими предплечьями, прижала к себе голову подруги и щекой прижалась к ее растрепанным волосам. Зафиксировав в своих объятьях Свету, поглаживая ее по голове, она ждала, когда та сама успокоится и расскажет в чем дело, хотя Алиса уже догадалась, в чем кроется причина этого ниагарского водопада. Света перестала всхлипывать и еле слышно мелко-мелко дрожала, иногда вздергивая вверх плечами от еще прерывистых вдохов. Алиса отпустила ее голову и Света подняла на нее полные, почти детской обиды, с опухшими от слез веками, глаза.

Повисло молчание, и Алиса, предупреждая новый поток слез, с материнской заботой тихо спросила:

– Это из-за Влада своего ты так убиваешься? Знаешь, где я его вчера видела и с кем?

Но Света молча продолжала смотреть на нее маленьким нашкодившим сенбернаром, который понес незаслуженно суровое наказание. Алиса не выдержав этого растерянно-обиженного взгляда, отпустила подругу и отошла к углу кухонного гарнитура. Достав из шкафа стакан и корич-

невый пузырек с «успокоительным», она налила из графина воды и капнула несколько капель в стакан.

– А давай мы ему сейчас позвоним, пусть он сам расскажет о своих подвигах? – сказала Алиса, протягивая стакан и возвращаясь поближе к Свете.

Та отрицательно завертела головой, отказываясь от «успокоительного». Алиса со звоном поставила стакан на стеклянную столешницу и придвинула стул, стоявший рядом, в плотную к Светиному. Она уселась в такой же позе, как и ее расстроенная визави, подобрав руками щиколотки себе под бедра. Зная, что Света долго не вытерпит, Алиса просто сидела и ждала теперь уже душевных излияний подруги.

– Не надо никому звонить!! Он все про тебя рассказал! – сказала Света, и лицо ее вновь исказила страдальческая гримаса, она снова готова была разрыдаться.

– Что он рассказал?! Какой он кобель? И что вчера в «Роднике» с какой-то девкой в кино делал? – ответила вопросом на вопрос, не меняя прежнего ласкового тона Алиса.

– Нет, он сказал, что у меня до сих пор парня нет из-за тебя! Что ты с бандитами в одном..., что ты с ними..., что ты в мафии, в общем. И что твои бандиты никого и близко к нам не подпускают, – последнее слово Света снова промяукала и зашла в рыданиях.

– Вот же козел! Я вчера его в кафе перед кинозалом видела, он там с малолеткой какой-то целовался, пьяный в зю-зю. Он меня даже не узнал сначала, – продолжая миндаль-

ничать, начала было оправдываться Алиса.

– Нет! Он не врет! Я у него синяк видела. Он сказал, что это твои бандиты его избили, – отрывисто между всхлипы-ваньями, успела пролепетать Света.

– Успокойся! Нажрался, как свинья, вот и схлопотал где-то, – сверкнув глазами, тоном, не терпящим возражений, урезонила Алиса.

Соскочив со стула, она пошла за телефоном и уже из прихожей крикнула:

– Сейчас он сам все объяснит.

Находившись вне поля зрения Светы, она успела отправить Владу смс-ку:

« Возьми трубку, не то хуже будет». Вернувшись в кухню, она положила телефон на стол перед Светой, включив его на громкую связь. Света успокоилась и внимательно смотрела на телефон. Долго раздавались длинные гудки, наконец дрожащий юношеский голос ответил « Алло» и начался весьма неприятный разговор.

– Алло, Влад. Ты на «громкой». Это Алиса, мы вместе со Светой сидим. Расскажи, что ты вчера вечером делал в « Роднике»?– начала Алиса.

– Ну, я. Ну. Ну, это...– замямлил Влад из трубки после почти полуминуты молчания.

– Ты не гунди. Ты отвечай, что ты там делал и в каком состоянии?– хищно улыбаясь, спрашивала Алиса.

– Ну, в, в кино хотел пойти...П. Пьяный чуть-чуть, я

немного с, совсем... – заикаясь, проговорил Влад.

– А с кем ты туда ходил? – перебила его Алиса.

– Я тебя спрашиваю, с кем ты хотел пойти в кино? – после паузы опять спросила Алиса.

– Ну, с та... С девушкой, – упавшим голосом ответил их невидимый собеседник.

– С малолеткой ты там был, а не с девушкой. А меня ты там видел? – поглядывая на Свету, которая вытирала лицо бумажной салфеткой, почти завизжала Алиса от злости, посмотрев снова на телефон.

– Ну да, видел, – заблеял он.

– А теперь расскажи мне то, что ты рассказал Свете, – ровным голосом сказала Алиса.

– Алиса. Алис, ты прости, я просто испугался, что... – начал неуверенно Влад. – Испугался, что я все расскажу Свете? – опять перебила его Алиса и смотрела на подругу с улыбкой, мол, что я тебе говорила.

– Ну, да, – после долгой паузы послышалось из трубки вместе с глубоким вздохом.

– Ну и тварь же ты! Чтобы близко ко мне больше не подходил, понятно? Мало тебе там надавали по морде. Не звони и не пиши мне никогда, урод! – наконец вмешалась в разговор Света.

Из динамика телефона раздалось три коротких гудка и все смолкло. Света с извиняющимся видом потянулась руками к Алисе и притянув ее за шею к себе, несколько раз поцеловала

в щеку.

Не выпуская ее из объятий, она негромко затараторила Алисе в ухо.

– Ты меня прости, пожалуйста, Алисонька. Он так правдоподобно рассказывал. Он сказал, что просто хотел поговорить с тобой. Я ему, дура, поверила. А еще этот синяк. Он меня просил уехать от тебя. Он говорил, что ты опаснее, чем твои бандиты. А еще я видела один раз, как тебя с остановки на огромном джипе забирали. А еще я у тебя в «ноуте» кучу мужиков на фотках нашла, ты его открытым сегодня бросила. Там все такие солидные, на тачках дорогих. Я так испугалась. Ты простишь меня, а, Алис?– наконец закончила Света, продолжая висеть на шее у Алисы.

Прежде чем Алиса ответила, она на секунду закрыла глаза, затем открыла и мысленно сосчитала до десяти, после чего отлепив от себя Свету и чмокнув ее в лоб сказала:

– Я и не сердилась на тебя, глупая. Это Влад твой просто – пакость. Я тебе сразу говорила, что он мизинца твоего не стоит. И вообще, поменьше слушай мужиков, которые оправдываются перед тем, как уйти, потому что это, скорее всего, навсегда.

– А он не хотел меня бросить, он к нему предложил мне переехать, – наивно выпалила Света, и снова ее глаза увлажнились.

– Понятно. Давай я тебе покажу, чем я занимаюсь, раз уж ты все равно видела. Но только в душ схожу сначала, – ши-

роко улыбаясь и протягивая забытый стакан с разведенными в воде каплями, вымученным голосом сказала Алиса.

Света в этот раз послушно взяла стакан и выпила его содержимое.

Запершись в ванной, Алиса открыла воду, и снова набрала Влада. Она знала, что Света не сможет разобрать ни слова из-за шумящего напора воды, даже если захочет.

– Значит так, ловелас доморощенный. Не перебивай и внимательно слушай.

– Не перебивай, я сказала. Мне плевать, о чем ты там вчера хотел со мной поговорить. Теперь ты будешь делать то, что я тебе скажу. Если не хочешь, конечно, еще одной профилактической беседы, но уже не со мной. Усвоил?

– Отлично. Во-первых – ко мне, чтобы на выстрел не приближался больше. Во-вторых – к Свете ты можешь подойти или с ее разрешения или если я тебе скажу об этом. В-третьих – сейчас ты хорошенько погуглишь и найдешь штук десять способов как попросить прощения у любимой девушки. Начнешь с сообщений и будешь слать их Свете, пока она тебя или не простит или не забудет. А потом я скажу, что тебе надо будет делать и как.

– А если – а если. А если надо, то и женишься на ней.

– Да никто б тебя придурка не тронул, если бы ты меня за руки не хватал и не лез ко мне своим слюнявым ртом. Фу, блин.

– Так что давай, начинай смс-ки писать, чтобы не меньше

пяти в день было. Понял?

–Раньше был бы такой понятливый, эти разговоры не состоялись бы и фэйс твой целый был. Да, мне не вздумай писать и звонить, я сама, если что.

Алиса разделась и, наконец, смогла принять душ. Она знала, что минут через пятнадцать капли подействуют, и Света уснет и проспит, наверное, до завтрашнего утра. Сейчас было ровно три часа дня. Алиса постаралась успокоиться и сосредоточиться на проекте, как и собиралась еще накануне. Она предполагала, что за ней могут следить и без ее согласия, но такое положение вещей назвать нормальным у нее не получалось. Подставляя лицо под теплые струи воды, она пыталась себя успокоить тем, что все произошедшее вчера лишь случайный эпизод и, что она легко нашла выход для всех в этой непростой ситуации. И возможно так оно будет и дальше, убеждала себя Алиса, но интуиция подсказывала ей, что она сильно заблуждается.

Алиса вышла из ванной минут через десять и увидела, заснувшую прямо за столом все в той же позе эмбриона, Свету. Она прошла на кухню и попыталась ее разбудить. Но решив, что так будет быстрее, аккуратно стащила ее ноги со стула, закинула ее руку себе на плечо, обняла за талию и без видимых усилий перенесла, словно ребенка, на застеленный мягким и пушистым пледом диван. Накрыв ее одеялом и подложив под голову подушку, еще раз чмокнула в лоб, так и не проснувшуюся плаксу, и, выйдя из ее комнаты, закрыла за

собой дверь.

Это был ее первый важный проект, суливший немалые деньги. Алиса внимательно рассматривала фотографии на своем ноутбуке. На фото был запечатлён немолодой человек, носивший усы и жидкую шевелюру с сильной проседью и большими залысинами, начинавшимися ото лба. Человек, судя по всему, солидный и имевший отношение, косвенное или непосредственное, к людям власть имущим. Об этом говорили сами фото. На них эта персона заседала среди подобных ему в дорогих кабинетах с геральдикой и гербами, нежилась на фоне дорогих яхт и лазурных берегов в окружении знойных длинноногих брюнеток и блондинок, ела из дорогих сервизов и, явно, серебряными приборами, важно что-то декламировала с трибуны.

Рассматривая эти фото в сотый раз, Алиса все время делала пометки в своем коричневом кожаном ежедневнике, который хранила как зеницу ока в тайнике внутри мягкой игрушки. Она никогда не ленилась зашивать и распарывать своего рыжего львенка, подаренного неизвестно кем, заново.

Вот и сейчас эта игрушка лежала на ее кровати со вспоротым животом возле ноутбука, за которым, полулежа, работала Алиса. Звук пришедшего смс, заставил ее прерваться и встать для того, чтобы взять телефон, поставленный на зарядку.

Прочитав сообщение, она погруженная в рабочий процесс, только мысленно отмахнулась: « Тебя тут только не

хватало».

Ничего не ответив, она продолжала сосредоточенно наблюдать за однообразным и часто повторяющимся слайд – шоу на дисплее. Но в какой-то момент с неудовольствием отметила, что она слишком рассеяна, а причина была проста.

– Господи, да он же не шутит! Это сколько сейчас? И ночью покоя мне не будет?!

– Похоже, действительно влюбился.

– Вот же упрямый осел! Ну что мне с тобой делать?

– А ведь этот наломает дров!

– Ужас, его же убьют!!!

Такой вот несвязный мысленный монолог пронесся за несколько секунд в голове у Алисы, и она впервые в своей жизни даже не представляла, как ей нужно поступить, чтобы избежать предсказуемый и поистине страшный исход.

Ей еще не встречались мужчины, несмотря на богатый опыт отношений, для которых категоричное женское «нет» значило бы стопроцентное «да». Она считала, что вопрос ее связи с Алексеем закрыт раз и навсегда, что у него и мысли больше не возникнет ее тревожить. Но сейчас он, наверное, где-то перед Уфой и скоро будет здесь, и в этом сомневаться не приходилось.

«Господи, это кошмар какой-то. Сначала этот придурок Светкин, теперь он. Хорошо хоть предупредил. А может тоже напугать его или просто проигнорировать? И покатит он обратно в свой Ставрополь», – подумала Алиса, цепляясь за

эту последнюю надежду.

Она хаотично перебирала в голове всевозможные варианты, а подсознательная тревога за его жизнь и ее дальнейшую судьбу, вылилась, в конце концов, в настоящую панику. Она поняла, что и так уже использовала весь свой арсенал средств, для того чтобы Алексей оставил ее в покое, но все безрезультатно. Ей оставалось только одно – тоже предупредить, его ждет здесь настолько холодный прием, что он даже не может себе представить. И Алиса написала короткое сообщение, постаравшись как можно туманнее и призрачней обрисовать перспективы Алексея. Она отправила сообщение и, неожиданно для самой себя, заплакала. К ней вернулось то ощущение, которое она так настойчиво старалась не замечать, когда сегодня размышляла о случившемся в душе, ощущение, что она себе больше не принадлежит.

На несколько минут в окне ее комнаты кроваво-огненные отблески зари и цвета переспелой вишни, ознаменовали победу солнца, прорвавшего в конце дня серый заслон облаков. Она уже давно успокоилась и снова полулежа перед открытым ноутбуком, сгибая в коленях, болтала своими стройными ножками. Она решила, что ничего такого уж страшного произойти не может.

«Ну, подумаешь, дадут ему пару раз по шее. Зато в следующий раз подумает, прежде чем что-то сделать, когда ему сказано, что не твое, а еще и просят оставить в покое», – рассуждала Алиса, листая ленту своего профиля в соцсети.

« Да вообще, с какого перепуга я должна жертвовать своей карьерой, ради влюбленного идиота, который ничего не слышит, а главное не хочет слышать?», – она нашла страничку Алексея и рассматривала аватарку.

На ней была изображена мужская фигура с голым торсом, сидевшая за столом и ковырявшаяся одной рукой в часовых шестеренках, разложенных на советской газете «Правда». От головы у нее была только ниша с полностью отсутствующей плоскостью лица и черепной коробки, как если бы у манекена их просто срезали и бросили в таком неприглядном виде. Фигура задумчиво подпирала другой рукой эту самую нишу, в которой тоже были шестерни и все это на фоне мрачного советского постмодернистского интерьера.

« Ну вот что за претензия на оригинальность? Нельзя что ли как у всех, чтобы возле машины или мотоцикла, или просто нормальную фотку? Нет же, надо гениальность свою подчеркивать, которой и в помине нет», – анализировала Алиса.

– О, да тут еще Эдипов комплекс, похоже! Или просто мама – главная? – вслух подумала она, глядя на очередную фотографию Алексея.

К ней пришло понимание, что Алексей по-настоящему заинтересовал ее только сейчас, но она считала, что эта эмоция искусственна, и вызвана, в основном, его непоколебимым упрямством.

Противоречащие друг другу симпатия к нему и досада, или скорее даже раздражение, из-за таких разных взглядов

на жизненные ценности ее и Алексея, легко уживалась в Алисе. Все благодаря тому, что над всем этим довлела одна цель – Алиса хотела быть успешной и финансово независимой, а никак не заглядывающей в рот своему мужу, которого не представляла себе даже гипотетически. Романтичность и цинизм ее натуры сочетались в ней настолько же естественно, как ее соблазнительные формы сочетались с цветом ее черных волос и темно-зеленых глаз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.